

ДЖОРДЖ
МАРТИН

ТАИНСТВЕННЫЙ
РЫЦАРЬ

Таинственный рыцарь

Джордж Мартин

Повести о Дунке и Эге

Книга третья

Перевод: Наталья Виленская (издательство «АСТ»)

Редактура: «Волчий лес» (wolfswood.ru)

Версия: 1.1.0-ww

При работе были использованы материалы сайта 7Королевств.

Это любительская редакция официального перевода «Таинственного рыцаря». В ней исправлены многочисленные неточности и опечатки, внесены стилистические правки и переработан глоссарий.

В рамках проекта «Волчий лес» мы стремимся сделать перевод лучше и постоянно дорабатываем его. Вы можете помочь нам, сообщив об ошибках в тексте, либо просто оставив отзыв на сайте wolfswood.ru.

Когда Дунк и Эг выезжали из Каменной Септы, пошел летний дождь.

Дунк ехал на старом боевом коне Громе; Эг восседал на молодой и горячей лошадке Дождинке и вел на поводу мула Мейстера. Мул тащил на себе доспехи Дунка, книги Эга, спальники, палатку, одежду, несколько больших кусков жесткой солонины, кувшин с медом и два меха с водой. Голову его покрывала старая соломенная шляпа Эга с дырками для ушей. Сам Эг обзавелся новой, но обе шляпы, на взгляд Дунка, только дырками и отличались.

У городских ворот Эг резко натянул поводья. Над воротами на железной пике торчала отрубленная голова какого-то изменника — довольно-таки свежая на вид: еще не позеленевшая, но воронье уже вовсю трудилось над ней. Губы и щеки мертвеца были изодраны, из пустых глазниц под дождем струились кровавые слезы, открытый рот точно взывал к проходящим через ворота путникам.

Дунк уже не раз видывал такое.

— В Королевской Гавани, будучи еще мальчишкой, я стащил такую голову прямо с пики, — сказал он Эгу (на стену вообще-то залез Хорек после долгих подначек Рейфа и Жирдяя, но когда прибежала стража, он голову сразу бросил, а Дунк поймал). — Не знаю, кто это был: мятежный лорд, рыцарь-разбойник или обычный убийца — после пары дней на стене все они на одно лицо. — Дунк с тремя своими друзьями тогда славно попугали девчонок на Блошином Дне. Загоняли их в переулок и не выпускали, пока те мертвую голову не поцелуют, а бедняжкам и деваться некуда: быстрее Рейфа в Королевской Гавани никто не бегал. Эгу, однако, об этом лучше не знать. *«Хорек, Рейф и Жирдяй... маленькие чудовища, а худший из них — я»*. Голова в конце концов совсем прогнила, и бегать с ней стало уже не так весело, поэтому как-то ночью они вломились в харчевню и бросили останки в котел.

— Первым делом всегда глаза выклевывают. Потом щеки проваливаются, кожа зеленеет... — Дунк прищурился. — Слушай, а ведь я его знаю.

— И вправду, сир. Тот самый горбатый септон, что три дня назад проповедовал против лорда Кроворона.

И тогда Дунк вспомнил: *«А ведь святой был человек, служил Семерым, хоть и вел крамольные речи».*

«Руки его обагрены кровью, кровью брата и юных племянников, — вещал горбун толпе на рыночной площади. — Тень, послушная его воле, задушила сыновей храброго принца Валарра во чреве матери. Где Молодой Принц теперь? Где его славный брат Матарис? Где Добрый король Дейрон и бесстрашный Бейлор Копьелом? Они в могиле, а бледная птица с кровавым клювом уселась на плечо короля Эйриса и каркает ему в ухо. Преисподняя отметила своим клеймом его лик и пустое око. Он принес нам глад, мор и убийства. Поднимайтесь, говорю я, и вспомните о своем истинном короле, что за морем. Семь богов у нас и семь королевств, — и у черного дракона было семь сыновей! Вставайте, лорды и леди, вставайте, отважные рыцари, вставайте, вольные землепашцы! Сбросьте злого колдуна Кроворона, иначе дети и внуки ваши будут прокляты во веки вечные!»

«Сплошь крамола, но видеть его здесь с выклеванными глазами...»

— Да, это он, — сказал Дунк. — Еще одна причина поскорей убраться из этого города. — Он тронул Грома шпорами и выехал из ворот Каменной Септы вместе с Эгом под мягкий шелест дождя.

«Сколько глаз у лорда Кроворона? — спрашивает загадка. — Тысяча и еще один». Многие верят, что десница короля владеет черной магией и может оборачиваться одноглазой собакой или превращаться в туман. Поговаривают также, что серые волки идут по следу его врагов, вороны доносят ему обо всем, что видели или слышали. Дунк был уверен, что все это не иначе сказки, но то, что соглядатаи у десницы повсюду — чистая правда.

В Королевской Гавани Дунк видел его своими глазами. Лицо и волосы Бриндена Риверса были белее кости, а единственный глаз — красный как кровь (другой ему вышиб единокровный брат, Жгучий Клинок, на Краснотравном поле). Щеку и шею покрывало родимое пятно винного цвета. Из-за него-то он и получил свое прозвище.

— Нехорошо это — рубить головы септонам, — сказал Дунк, когда Каменная Септа осталась далеко позади. — Он ведь ничего такого не делал, только болтал, а слова — это ветер.

— Которые ветер, а которые и измена, сир. — Эг состоял из одних локтей и ребер, но язык у него работал как надо.

— Теперь ты заговорил как настоящий принц.

Эг воспринял это как оскорбление.

— Он лгал народу, сир. Засуху и Великое весеннее поветрие лорд Кроворон не насылал.

— Может, и так, но если рубить головы всем глупцам и лжецам, половина городов Семи Королевств обезлюдует.

* * *

Шесть дней спустя от дождя остались лишь воспоминания. Дунк стянул рубаху, радуясь солнцу и теплу на своей коже.

— Вода, — заключил он, когда налетел прохладный ветерок, свежий и ароматный, как девичье дыхание. — Чуешь? Озеро где-то близко.

— Я чую только вонь Мейстера, сир. — Эг дернул за повод мула, когда тот в очередной раз остановился пощипать траву на обочине.

— На берегу есть старая гостиница. — Дунк помнил ее с тех времен, как был оруженосцем у старого рыцаря. — Сир Арлан говаривал, что там варят добрый эль — может, отведаем, пока будем ждать парома.

— И поедим заодно, сир? — спросил Эг с надеждой.

— А чего бы тебе хотелось?

— Ну... мяса жареного, утку, похлебку. Да все, что угодно, сир!

Они уже три дня не ели горячего, питаюсь лишь опавшими плодами, да еще жесткой, как дерево, солониной. *«Не худо бы поесть по-человечески, прежде чем отправиться на Север. До Стены еще далеко».*

— Можем и заночевать там же, — предложил Эг.

— Желаете кровать с периной, милор?

— Мне и соломенный тюфяк подойдет, — обиделся мальчуган.

— На ночлег у нас денег не хватит.

— Почему же? У нас двадцать два гроша, да три звезды, да один олень и еще тот поцарапанный гранат, сир.

Дунк почесал за ухом.

— Олень только один? А было вроде два...

— Так вы ж палатку купили, вот и остался один.

— Если начнем прохлаждаться в гостиницах, то не останется ни одного. Хочешь заснуть рядом с каким-нибудь лоточником и проснуться с его блохами? — фыркнул Дунк. — Нет уж, у меня своих блох хватает, а они чужаков не любят. Поспим лучше под звездами.

— Звезды — это, конечно, хорошо, но земля такая твердая. Хочется иногда и на подушку прилечь.

— Подушки — это для принцев. — Лучшего оруженосца, чем Эг, ни один рыцарь бы не пожелал, но господские замашки в нем порой-таки просыпаются. *«Драконова кровь, ничего не попишешь».* Сам-то Дунк — нищенское отродье, так его всегда обзывали на Блошином Дне, злорадно прибавляя, что когда-нибудь его непременно повесят. — Эль и горячий ужин мы, пожалуй, себе позволим, но на постели я добрую монету не стану тратить. Нам еще паромщику платить. — В последний раз переправа в этих краях стоила всего пару медяков, но за шесть-семь лет, что прошли с тех пор, все сильно подорожало.

— Сниму сапог, и можно будет переправиться даром, — не уступал Эг.

— Можно, да не нужно. — Снимать сапог опасно. *«Сразу слухи поползут, как это обычно бывает».* Оруженосец у Дунка ведь не от природы лысый. У Эга лиловые глаза Древней Валирии и волосы как кованое зо-

лото с нитями серебра: если регулярно не брить ему голову, он может с тем же успехом трехглавого дракона носить на груди. Времена в Вестеросе нынче опасные, и... короче, лучше не рисковать. — Еще слово про твой треклятый сапог, и я тебе так врежу по уху, что сам на тот берег перелетишь.

— Тогда уж лучше вплавь, сир. — Эг хорошо плавал, а Дунк совсем не умел. Мальчик обернулся. — Кто-то едет за нами, слышите?

— А то, не глухой. — Тем паче, что уже и пыль показалась. — Отряд большой, едут спешно.

— Не разбойники ли? — Эг привстал на стременах. Любопытство в нем, как обычно, победило тревогу.

— Разбойники держались бы тише. Такой шум поднимают только лорды. — Дунк убедился, что меч легко выходит из ножен. — Съедем-ка лучше с дороги, лорды лордам рознь. — Поостеречься не помешает. На дорогах теперь стало опаснее, чем при добром короле Дейроне.

Они спрятались за терновым кустом, и Дунк повесил на руку свой каплевидный щит — тяжелый, сосновый, в железном ободе. Он купил его в Каменной Септе взамен старого, который Инчфилд порубил на щепки в поединке, но еще не успел изобразить на нем собственную эмблему, вяз и падучую звезду. На щите до сих пор красовался герб прежнего хозяина — серый и мрачный мертвец, раскачивающийся на виселице. Себе Дунк такую эмблему никогда бы не взял, зато щит обошелся дешево.

Вскоре на дороге показали первые всадники, два молодых лордика на боевых скакунах. Тот, что на гнедом, был в открытом шлеме из позолоченной стали с тремя пышными перьями — белым, красным и золотистым. Кринет его коня украшал такой же плюмаж. Бок о бок с ним неся вороной жеребец в развевающейся на ветру попоне, голубой с золотом. Весело перекрикиваясь на ходу, юноши пронеслись мимо и исчезли. Следом показался третий лорд. Он держался куда более чинно и возглавлял длинную колонну свиты из слуг, поваров, пригравников,

латников, конных арбалетчиков, а также дюжины телег с доспехами, шатрами и провизией. На седле лорда висел щит — темно-оранжевый с тремя черными замками. Дунку был знаком этот герб, вот только откуда? Лорд был хмурый мужчина с бородкой цвета соли с перцем. *«Может, он был на турнире в Эшфорде? — думал Дунк. — Или мы служили в его замке, когда я еще был оруженосцем сира Арлана?»* Старый межевой рыцарь столько замков переменил, что Дунк и половины из них не мог припомнить.

— Эй, кто там в кустах, — крикнул внезапно лорд, придержав коня. — Выходи!

Двое стрелков немедленно взяли арбалеты на изготовку, остальные продолжили путь.

Дунк вышел, держа правую руку на рукояти меча, и со щитом на левой. До пояса он был гол, лицо покрывала красно-бурая пыль, поднявшаяся от лошадей. Выглядел он, конечно, неряшливо, но первым делом они должны были обратить внимание на его рост.

— Мы ничего плохого не замыслили, милор. Нас тут только двое с оруженосцем. — Он подозвал Эга к себе.

— Оруженосец? За рыцаря себя выдаешь?

Взгляд лорда Дунку не нравился. *«Будто кожу глазами сдирает».* Он счел за лучшее убрать руку с эфеса.

— Я межевой рыцарь. Ищу себе новую службу.

— Все разбойники, которых я вешал, то же самое говорили. Твой щит может оказаться пророческим, сир... если ты и вправду рыцарь. Мертвец на виселице. Это и есть твой герб?

— Не мой, милор. Я просто не успел перекрасить щит.

— Что так? С трупа его снял?

— Нет, купил. — *«Три замка, черные на оранжевом поле... где ж я их видел раньше?»* — Я не разбойник.

Глаза лорда были будто каменные.

— А шрам на щеке откуда — не от кнута ли?

— От кинжала. Да и не ваше это дело, милор.

— Я сам решаю, до чего мне есть дело.

Двое молодых рыцарей повернули назад посмотреть, что задержало их спутника.

— В чем дело, Горми? — спросил всадник на вороном, гибкий и стройный красавец, чисто выбритый, с тонкими чертами лица и черными блестящими волосами до плеч. На груди его синего с золотой оторочкой дублета был вышит золотой нитью зубчатый крест с золотыми скрипками в первой и третьей четвертях и золотыми мечами во второй и четвертой. Синие под цвет дублета глаза весело улыбались.

— Алин заволновался, что ты с коня упал — славный предлог, чтоб вернуться назад и не плестись у меня в хвосте!

— А это что за ворье? — осведомился всадник на гнедом скакуне.

— Не называйте нас ворами, милорд, — ощетинился Эг. — Мы вас тоже приняли за разбойников, вот и спрятались. Это сир Дункан Высокий, а я его оруженосец.

Молодые лорды обратили на его слова не больше внимания, чем на лягушачье кваканье.

— В жизни не встречал такой здоровенной орясины, — заявил рыцарь с тремя перьями. Он был пухлощекий и с темно-медовыми кудрями. — Бьюсь об заклад, в нем не меньше семи футов. Вот грохоту-то будет, когда он рухнет!

«*Проиграешь ты свой заклад*», — подумал побагровевший Дунк. Эймон, брат Эга, его измерял: до семи футов целого дюйма недостает.

— А это ваш боевой конь, сир великан? — не унимался рыцарь с плюмажем. — Не забить ли его на мясо?

— Лорд Алин часто забывает о хороших манерах, — вступился черно-волосый рыцарь. — Извините его за грубые слова, сир. Алин, проси у сира Дункана прощения.

— Раз ты настаиваешь. Прошу извинить меня, сир. — Не дожидаясь ответа, он повернул своего гнедого коня и рысью поехал вперед. Другой рыцарь задержался.

— На свадьбу едете, сир? — спросил он — так властно, что Дунк едва поборол искушение отвесить ему поклон.

— К переправе, милор.

— Мы тоже... Но из лордов здесь только Горми да этот бездельник, Алин Кокшо. Сам я такой же межевой рыцарь, как и вы, а зовут меня сир Джон Скрипач.

Межевые рыцари могли брать себе разные имена, но таких коней и дублетов Дунк у них еще не видывал. *«Рыцарь Золотой Межи, да и только».*

— Мое имя вы уже знаете, а оруженосца моего зовут Эг.

— Рад знакомству, сир. Поедемте с нами в Белостенье, преломим пару копий в честь нового брака лорда Батервелла! Бьюсь об заклад, вы там сможете отличиться.

На турнирах Дунк после Эшфорда не бывал. *«Если выиграю несколько поединков — обеспечу нас пропитанием до самой Стены».*

— Пусть сир Дункан едет своей дорогой, а мы отправимся своей, — вмешался лорд с замками на щите, но Джон Скрипач не обратил на это никакого внимания.

— С удовольствием скрестил бы с вами мечи, сир. Я имел дело с мужами из разных земель, но с таким великаном еще ни разу. Ваш отец тоже высокий был?

— Я не знал своего отца, сир.

— Мне жаль это слышать... я тоже слишком рано лишился отца, — сказал Скрипач и добавил, обращаясь к лорду с тремя замками: — Надо бы пригласить сира Дункана в нашу веселую компанию.

— Таких, как он, нам не надобно.

Дунк не находил слов. Межевых рыцарей не часто просят составить компанию высокородным лордам. *«Мне скорее пристало бы ехать сзади,*

со слугами». Судя по длине колонны, вместе с лордом Кокшо и Скрипачом едут также пригвивники для ухода за лошадьми, повара для стряпни, оруженосцы для чистки доспехов, солдаты для охраны — а у Дунка на все про все один Эг.

— Это каких же? — засмеялся Скрипач. — Слишком высоких? Полно, сильные бойцы нам нужны. Взгляни, какой он громадный. Молодые мечи, как говорят, стоят больше старых имен.

— Дураки говорят. Вы о нем ничего не знаете: вдруг это разбойник или шпион Кроворона?

— Я не шпион, милор, — возразил Дунк. — И не нужно говорить обо мне так, будто я глух, мертв или нахожусь в Дорне.

— В Дорне вам самое место, сир. — Лорд сверлил его своими каменными глазами. — По мне, можете хоть сейчас туда отправляться.

— Не слушайте его, — посоветовал Скрипач. — Он стреляный воробей и подозревает каждого встречного. Мне этот человек пришелся по вкусу, Горми; поедemте с нами в Белостенье, сир Дункан.

— Благодарю, милор... но никак не могу. — Как он будет ночевать в одном с ними лагере? Им слуги поставят шатры, пригвивники коней обиходят, повара каждому зажарят по каплуну, а рядом Дунк с Эгом будут жевать свою солонину?

— Видите, он свое место знает, — сказал лорд с тремя замками и повернул коня обратно к дороге. — Едем, лорд Кокшо уже на пол-лиги вперед ускакал.

— Что ж, придется догнать его еще разок. — Скрипач извиняюще улыбнулся Дунку. — Быть может, сир, мы еще встретимся, и тогда, надеюсь, вы отведаете моего копья.

Дунк не сразу нашелся с ответом.

— Удачи вам на ристалище, сир. — наконец выдавил он, но сир Джон уже развернулся и поскакал за колонной, а следом за ним, к радости Дунка, направился и старший лорд. Тот был слишком уж въедлив, лорд

Алин чересчур высокомерен, и даже в любезном Скрипаче чувствовалось нечто странное.

— Что это за дом такой, — спросил он у Эга, глядя на удаляющиеся клубы пыли, — две скрипки и два меча в зубчатом кресте?

— Нет такого герба, сир. Ни в одном перечне не встречал.

«*Может, он и в правду межевой рыцарь, этот Скрипач*». Дунк свой герб придумал на турнире в Эшфорде, когда кукольница Тансель Длинная спросила, что ей нарисовать на щите.

— А старший лорд небось родня Фреям? — У Фреев на щитах тоже замки и земли их где-то неподалеку.

— На гербе у Фреев две голубые башни на сером поле и мост между ними, — закатил глаза Эг, — а у него три замка, черные на оранжевом, и где же там мост?

— Нету моста, — согласился Дунк. «*Позлить меня хочет*». — А если будешь еще мне глаза закатывать, я тебе так двину по уху, что они назад не выкатятся.

— Я не хотел... — смутился Эг.

— Не важно, что ты хотел. Просто скажи, кто он.

— Гормен Пик, лорд Звездной Вершины.

— Это в Просторе, да? У него правда три замка?

— Только на щите, сир. Раньше было три, но два отобрали.

— За что же?

— За черного дракона, сир.

— Ах, да. — Дунк почувствовал себя глупо. «*Снова это*».

Страной уже двести лет правят потомки Эйгона Завоевателя и двух его сестер, объединивших семь королевств в одно государство и выковавших Железный трон. Королевский герб — трехглавый дракон дома Таргариенов, красный на черном. Шестнадцать лет назад бастард короля Эйгона IV, Деймон Блэкфайр, прозванный Черным Пламенем, поднял восстание против своего законнорожденного брата под знаменем с таким же трехглавым драконом, но, как это часто водится у бастардов, об-

ратный по расцветке — черный на красном. Мятеж закончился на Краснотравном поле, где Деймон и его сыновья-близнецы полегли под градом стрел Кроворона. Мятежники, оставшиеся в живых и склонившие колени перед законным правителем, были помилованы, но одни лишились некоторой доли своих земель, другие — замков или золота. И у каждого взяли кого-то в заложники, чтобы впредь неповадно было.

«Три замка, черные на оранжевом».

— Теперь я вспомнил. Сир Арлан не любил говорить о Краснотравном поле, но однажды в подпитии рассказал мне, как погиб сын его сестры. — Дунк до сих пор слышал голос старика, чуял, как от него пахнет вином. «Роджер из Пеннитри его звали. Лорд с тремя замками на щите расколол ему голову булавой». *«Значит, это был лорд Гормен Пик. Старик не знал его имени — а может, и знать не хотел».* Отряд Скрипача и лорда Пика уже скрылся вдали, оставив за собой тучу красной пыли. *«С тех пор минуло шестнадцать лет. Претендент погиб, его сторонники изгнаны или помилованы. Что мне до них?»*

Под жалобные крики птиц они молча проехали половину лиги, и Дунк, прочистив горло, сказал:

— Он про Батервелла упоминал. Тот живет где-то поблизости?

— На том берегу озера, сир. Лорд Батервелл при короле Эйгоне был мастером над монетой. Дейрон сделал его десницей, но ненадолго. В гербе у него волнистые линии — белые, желтые и зеленые. — Эг любил блеснуть своими познаниями в геральдике.

— Он друг твоего отца?

— Вот уж нет, — скривился Эг. — Отец его недолюбливает. Во время мятежа второй сын Батервелла дрался за претендента, а старший — за короля. И нашим и вашим, а сам лорд ни за кого.

— Ну что ж, благоразумный человек, как сказали бы некоторые.

— Трус, как говорит мой отец.

«Да уж, что еще он мог сказать?» Принц Мейкар был человеком надменным, гордым и жестким.

— Белостенья мы все равно не минуем по дороге к Королевскому тракту. Почему бы заодно и не подкрепиться? — У Дунка заурчало в животе при одной мысли об этом. — Может, кому-то из гостей понадобится охрана на обратном пути.

— Мы же вроде на север едем?

— Стена восемь тысяч лет простояла — постоит еще малость. И добираться до нее добрую тысячу лиг, так не худо бы сперва серебром разжиться. — Дунк представил, как он верхом на Громе выбивает с седла желчного лорда с тремя замками на щите. *«Было бы славно. Вас победил оруженосец старого сира Арлана, тот, кто заменил убитого вами мальчика, сказал бы я, получая выкуп за оружие и доспехи. Старикку бы это понравилось».*

— Хотите на турнир записаться, сир?

— А что? По-моему, время уже пришло.

— Нет, сир. Не пришло.

— Зато в ухо тебе дать самое время. — *«Мне бы всего два поединка выиграть, и довольно. Если я возьму два выкупа, а выплачу только один, мы целый год будем харчиться что твои короли».* — Я мог бы принять участие в общей схватке, если она там будет. — При его росте и силе победа в ней достанется ему легче, чем в конном бою.

— На свадьбах общие схватки не в обычае, сир.

— Зато пиры в обычае. Путь перед нами лежит долгий, не худо бы набить животы.

До озера они добрались к закату. В лучах заходящего солнца его воды переливались багряными и золотыми красками, словно лист кованой меди. Завидев над вершушками ив крышу гостиницы, Дунк снова напялил потную рубаху и остановился, чтобы привести себя в порядок. Он старательно умыл лицо от дорожной пыли и пригладил мокрыми руками гриву выгоревших волос. С ростом и со шрамом на щеке он ничего поделать не мог, но надеялся, что теперь будет меньше смахивать на разбойника.

Гостиница оказалась гораздо просторнее, чем он ожидал. Широкий сруб, увенчанный башенками, расползлся во все стороны и даже в воду, опираясь на сваи, забрел. К перевозу по илистому берегу проложили дорожку из горбыля, но ни парома, ни паромщика видно не было. Через дорогу виднелась конюшня, крытая тростником; двор с колодцем и колодой для водопоя окружала сложенная насухо стена, но ворота стояли открытые.

— Займись лошадьми с мулом, только пить много не давай, — распорядился Дунк. — Я пойду закажу нам поесть.

— Вам паром нужен? — спросила подметавшая крыльцо хозяйка гостиницы. — Сегодня уже не придет. Солнце садится, а по ночам Нед перевозит, только когда луна полная. Утречком переправитесь.

— Дорого он берет, не скажете?

— Три гроша с человека, десять с коня.

— У нас две лошади с мулом.

— За мула тоже готовьте десять.

Всего тридцать шесть, прикинул в уме Дунк — больше, чем он надеялся.

— В прошлый раз это стоило всего два гроша с человека и шесть с коня.

— Это вы с Недом договаривайтесь, а от себя я скажу, что постелей у меня нет. Лорды Шоуни и Костейн со свитой стоят, все полнехонько под завязку.

— Лорд Пик тоже здесь? — *«Тот, что убил оруженосца сира Арлана»*. — Он направлялся сюда вместе с лордом Кокшо и Скрипачом.

— Нед взял их на свой последний паром. — Женщина смерила Дунка взглядом. — Вы тоже из ихних будете?

— Нет, просто встретил их на дороге. — От запаха, струящегося из окон, у Дунка потекли слюнки. — Мы бы отведали того, что у вас там жарится, если не слишком дорого.

— Дикий вепрь, — доложила хозяйка. — С перцем, луком, грибами и репкой.

— Мы и без репки обойдемся. Нам бы по ломтю жаркого да по кружке вашего эля — сколько возьмете? А переночуем мы на конюшне, с вашего позволения.

Тут он дал маху.

— Она для коней — потому и зовется конюшной. Ты, конечно, тоже здоров что твой конь, однако ног у тебя две, не четыре. Не нанималась я кормить все Семь Королевств. Жаркое у меня для гостей и эль тоже. А ну как неостанет чего, что лорды скажут? Вон, в озере рыбы полно, и бродяги вроде вас стоят лагерем у пеньков, межевые *будто бы* рыцари. — Тон женщины ясно давал понять, что их рыцарство вызывает у нее большие сомнения. — Глядишь, примут вас и едой поделятся, только не мое это дело. Проваливай, — она махнула на Дунка метлой, — некогда мне с тобой. — Дверь за ней захлопнулась, и Дунк не успел спросить, где же ему найти упомянутые пеньки.

— Там не свинью жарят, сир? — Эг сидел на краю колоды, опутив ноги в воду, и обмахивался шляпой.

— Вепря, — хмуро ответил Дунк. — Но кому он нужен, когда есть вкусная солонинка?

— Можно, я лучше сапоги свои съем? — скорчив гримасу сказал Эг. — А новые сошью из солонины, она попрочнее будет.

— Нельзя, — сказал Дунк, сдерживая усмешку. — Еще слово, и я тебя кулаком попотчую. — Он снял с мула свой шлем и кинул оруженосцу. — Достань из колодца воды и размочи солонину. — В сухом виде она могла стоять человеку нескольких зубов. Было бы вкуснее, если размочить ее в эле, но и вода сойдет. — Из поилки не бери, ты в ней ноги мочил.

— Мои ноги только вкус бы улучшили, — хмыкнул Эг, однако повиновался.

* * *

Межевых рыцарей они нашли без труда: углядели на берегу их костер и пошли на свет, ведя в поводу животных. Шлем Дунка, который Эг нес под мышкой, хлюпал на каждом шагу. От солнца осталась только чуть заметная красная полоса на западе. Вскоре деревья расступились, и путники вошли в бывший чардревник, заповедную рощу Детей Леса, от которой ныне остались только пни да белые корни.

У костра, передавая друг другу винный мех, сидели на корточках двое мужчин. Их кони паслись неподалеку, оружие и доспехи были сложены аккуратно. Еще один, намного моложе своих спутников, прислонился спиной к каштану.

— Вечер вам добрый, сир, — окликнул еще издали Дунк: вооруженных людей врасплох лучше не заставить. — Меня зовут сир Дункан Высокий, а парнишку — Эг. Можно нам подсесть к вашему костерку?

— Здравствуйте, сир Дункан, — сказал, поднявшись навстречу, человек средних лет с ярко-рыжими бакенбардами. — И впрямь высокий... будем рады и вам, и парнишке вашему, только что у него за имя такое — Эг?

— Уменьшительное, сир. — Эг благоразумно умолчал о полном своем имени — Эйгон. Незнакомцам об этом знать незачем.

— Вот оно как. А с головой что?

«*Вши. Скажи, что завелась вши*», — мысленно воззвал Дунк. Они часто этим отговаривались, но иногда Эг нес что-нибудь несусветное.

— Я дал обет брить ее, сир. Пока рыцарские шпоры не получу.

— Достойный обет. Я сир Кайл, Кот из Туманных Болот. Под каштаном сидит сир Глендон... э-э... Болл, а рядом со мной добрый сир Мейнард Пламм.

— Пламм, — насторожил уши Эг. — Вы не родственник лорда Визериса Пламма, сир?

— Дальний, — ответил высокий, худощавый и сутулый рыцарь с длинными белесыми волосами, — хотя сомневаюсь, что его светлость признает это родство. Он, скажем так, из домашних Пламмов, а я так, дичок.

— Плащ сира Мейнарда, неровно выкрашенный в темно-фиолетовый цвет под стать его имени, созвучному со сливой, по краям сильно пообтрепался. В пряжку, скреплявшую его на плече, был вставлен лунный камень величиной с куриное яйцо, остальной наряд состоял из бурой шерсти и поцарапанной кожи.

— У нас солонина есть, — сказал Дунк.

— А у сира Мейнарда мешок яблок, — похвастал сир Кайл. — Добавить к этому мой маринованный лук, и пир выйдет на славу! Присаживайтесь, сир, вон сколько кругом удобных пеньков. Куковать нам тут до позднего утра: паром на озере один, всех нас он не перевезет, а лорды со свитой, конечно, поедут первыми.

— Помоги мне с лошадьми, — попросил Дунк Эга. Вместе они расседлали Грома, Дождинку и Мейстера.

Лишь после того как животные напились, поели и были спутаны на ночь, Дунк принял предложенный сиром Мейнардом мех с вином.

— Кислое винцо лучше, чем совсем никакого, — заметил Кайл-кот. — Вот погодите, доберемся до Белостенья: у лорда Батервелла к северу от Арбора самые вкусные вина, так говорят. Он раньше был королевским десницей, как его дед когда-то; человек он, слышать, набожный и очень богатый.

— На коровах разбогател, — подхватил Мейнард Пламм. — Вымя бы ему в герб. У Батервеллов молоко течет в жилах, да и Фрей не лучше. В этом браке угонщики скота сочетаются со сборщиками пошлины — деньги к деньгам, стало быть. Когда восстал черный дракон, коровий лорд нарочно послал одного сына к Деймону, а другого к Дейрону, чтобы Батервеллы в любом случае оказались на стороне победителя. Оба они полегли на Краснотравном поле, а младший по весне умер, потому лорд и женится снова. Если же и эта жена ему не подарит сына, имя Батервеллов умрет вместе с ним.

— Туда и дорога, — проронил сир Глендон Болл, точа брусом меч. — Воин не любит трусов. — Дунк присмотрелся к юнцу. Одежда на моло-

дом рыцаре была добротная, но поношенная и собранная, видно, с бору по сосенке. Из-под железного полушлема торчали каштановые вихры. Ростом Глендон не вышел, но был широкоплеч и мускулист. Глаза у парня были маленькие и близко посаженные, брови мохнатые, как две гусеницы после дождливой весны, нос мясистый, а подбородок выдающийся. И он был молод. *«Наверное, ему лет шестнадцать или семнадцать»*. Дунк принял бы этого парня за оруженосца, не поименуй его Кайл сиром: на щеках у него росли прыщи вместо бакенбард.

— Давно ли вы в рыцарях? — спросил Дунк.

— Давно. При смене луны полгода исполнится. Меня посвятил сир Морган Данстебл из Падучего Водопада — при свидетелях, — а обучался я с младенческих лет. Верхом ездить стал раньше, чем ходить, и вышиб взрослому человеку зуб, не потеряв ни одного из молочных. В Белостенья я намерен прославиться и завоевать драконье яйцо.

— Драконье яйцо? Вот, значит, какой приз назначен победителю? — Последний дракон умер лет сто назад, однако сир Арлан видел отложенные им яйца — твердые как камень, рассказывал он, но очень красивые. — Откуда у лорда Батервелла драконье яйцо?

— Король Эйгон подарил его тогдашнему Батервеллу, деду нынешнего, когда гостил у него в замке, — объяснил Мейнард Пламм.

— В награду за какой-нибудь доблестный поступок? — спросил Дунк.

— Можно и так сказать, — усмехнулся сир Кайл. — Говорят, будто у него были три дочери-девственницы, а к утру его милость каждую неделю бастардом — видимо, хлопотливая ночка выдалась.

Дунк уже не раз слышал, что Эйгон Недостойный переспал с половиной девиц своего королевства и многим сделал ребят. Хуже того, на смертном одре он всех их узаконил — и детей от пастушек, прислужниц в тавернах и уличных шлюх, и Великих бастардов, рожденных дочерьми знатных домов.

— Если хоть половина этих историй не врет, мы все должны быть сыновьями короля Эйгона.

— А кто вам сказал, что это не так? — подмигнул сир Мейнард, а сир Кайл предложил:

— Едем с нами, сир Дункан. С вашим завидным ростом какой-нибудь лордик непременно возьмет вас на службу. Уверен, что мне тоже пощастливится. Там будет Джоффри Касвелл, лорд Горького Моста; в три его годочка я выстругал ему первый сосновый меч, тогда как мой собственный служил верой и правдой его отцу.

— Тоже сосновый? — осведомился сир Мейнард. Сир Кайл не обиделся и ответил со смехом:

— Нет, из доброй стали, могу вас заверить. Был бы рад вновь послужить кентавру. Если не хотите сразиться на турнире, сир Дункан, так хоть на пир приходите. Там будут певцы, музыканты, жонглеры, акробаты и даже карлики.

— Мы с Эгом едем на север, в Винтерфелл, — нахмурился Дунк. — Лорд Берон Старк созывает мечи, чтобы навсегда прогнать кракенов со своих берегов.

— По мне, там чересчур холодно, — сказал сир Мейнард. — Коли желаете поохотиться на кракенов, ступайте лучше на запад. Ланнистеры строят флот, чтобы нанести железным людям удар на их родных островах. С Дагоном Грейджоем только так и можно покончить. На суше его бить бесполезно — уползает в море. Его надо добить на воде.

В этом был свой резон, но Дунку как-то не хотелось сражаться с железными людьми на море. «Белую леди», шедшую из Дорна в Старомест, однажды атаковали пираты, и он, надев доспехи, стал помогать морякам. В отчаянном кровавом бою Дунк едва не свалился за борт — случись это, ему пришел бы конец.

— Не худо бы трону взять пример со Старка и Ланнистера, — заметил сир Кайл. — Они по крайней мере сражаются, а Таргариены что? Король Эйрис корпит над книгами, принц Рейгель бегаёт голый по Красному замку, а принц Мейкар носу не кажет из Летнего замка.

Эг ворошил в костре палкой, пуская искры в ночь. Он промолчал, когда помянули его отца, и Дунка это порадовало. *«Кажется, мальчишка наконец научился держать язык за зубами».*

— Я во всем этом виню Кроворона, — продолжал сир Кайл. — Он десница короля, и его прямой долг выступить против кракенов, сеющих ужас вдоль берегов Закатного моря.

— Его единственный глаз устремлен на Тирош, — пожал плечами сир Мейнард. — Там в изгнании Жгучий Клинок с сыновьями Деймона Черное Пламя строят козни. Десница держит королевский флот под рукой, буде они вздумают переправиться.

— Жгучему Клинку здесь многие бы обрадовались, — отвечал на это сир Кайл. — Кроворон — корень всех наших бед, червь, гложущий сердце нашей державы.

— За такие слова с человека голову могут снять, — нахмурился Дунк, вспомнив горбатого септона из Каменной Септы. — Кое-кто может счесть их изменой.

— Какая же тут измена, если это правда? При короле Дейроне никто не боялся высказывать свое мнение, а теперь... — Сир Кайл изобразил неприличный звук. — Только вот надолго ли Кроворон посадил на Железный трон Эйриса? Король слаб здоровьем, и когда он умрет, лорд Риверс начнет войну за трон с принцем Мейкаром. Десница против наследника.

— Вы забываете о принце Рейгеле, мой друг, — мягко возразил сир Мейнард. — После Эйриса наследует он, а за ним его дети.

— Слабоумный-то? Я лично ему не враг, но он все равно что покойник, как и его близнецы. Вот только не знаю, как они все умрут — от булавы Мейкара или от чар Кроворона.

«Да спасут нас Семеро», — подумал Дунк, когда раздался звонкий голос Эга:

— Принц Мейкар — брат Рейгеля. Он любит его и не причинит ему никакого вреда.

— Тихо, мальчик, — рыкнул Дунк. — Тебя не спрашивают.

— Буду говорить, когда захочу.

— Нет, не будешь, — отрезал Дунк. *«Длинный язык когда-нибудь погубит тебя, а заодно и меня»*. — По-моему, солонина уже размочилась. Раздай нашим друзьям поровну, да поживее.

Мальчик вспыхнул. Дунк побоялся, что он начнет спорить, но Эг лишь набычился, как это свойственно одиннадцатилетним мальчишкам, выудил солонину из шлема и стал раздавать, поблескивая бритой головой при свете костра. Мясо, размокнув в воде, преобразилось из древесины в старую кожу. Дунк жевал его краешек, стараясь сосредоточиться на вкусе соли и отогнать мысли о вепре, крутящемся на вертеле и капающем жиром в огонь.

В сумерках на смену оводам, донимающим лошадей, пришли комары, охотники до человеческой крови. От их укусов мог спасти только дым от костра. *«Выбор для бедняка невелик. Не хочешь быть съеденным — коптись»*, — мрачно подумал Дунк. Он почесал руки и сел поближе к огню.

Мех с кислым, но крепким вином снова пошел по кругу, и Кот из Туманных Болот стал рассказывать, как во время Восстания Черного Пламени спас жизнь лорду Горького Моста.

— Когда знаменщик лорда Армонда пал, я спрыгнул с коня. Со всех сторон нас окружали изменники...

— Что за изменники, сир? — перебил Глендон Болл.

— Люди Черного Пламени.

В руке сира Глендона сверкнула сталь. Огонь превратил оспины на его лице в открытые язвы, жилы на шее натянулись, как тетива лука.

— Мой отец сражался за черных.

«Ну вот, снова-здорово», — подумал Дунк, вздыхая. Вопрос «красное или черное» людям лучше не задавать. Ни к чему хорошему это не приводит.

— Уверен, что сир Кайл никого не хотел оскорбить, — поспешил вмешаться он.

— Само собой, — подтвердил Кот. — Это давно было, парень, к чему сводить старые счеты. Все мы теперь входим в одно межевое братство.

Сир Глендон долго взвешивал его слова, подозревая в них насмешку, и наконец сказал:

— Деймон Блэкфайр не был изменником. Старый король вручил меч Черное Пламя ему, хоть он и родился бастардом — а значит, и королевство ему предназначил. Знал, что он превосходит Дейрона во всем.

Стало тихо, только костер потрескивал. Дунк прихлопнул комаров у себя на шее, глазами призвал Эга к молчанию и сказал:

— Во времена Краснотравного поля я был малым ребенком, но рыцарь, которому я служил, сражался за красного дракона, а тот, которому я потом присягнул — за черного. Отважные воины были и на той, и на другой стороне.

— Отважные, да, — не совсем уверенно отозвался сир Кайл.

— Герои. — Сир Глендон повернул свой щит и показал герб — желто-красный огненный шар на полуночно-черном поле. — И во мне течет кровь одного из них.

— Вы сын Огненного Шара, — догадался Эг, и сир Глендон в первый раз улыбнулся.

— Сколько же вам лет? — удивился сир Кайл. — Квентин Болл погиб...

— Еще до моего рождения, — завершил Глендон, задвинув меч в ножны, — но во мне он возродился. Я докажу это в Белостенье, завоевав драконье яйцо.

* * *

Наутро пророчество сира Кайла сбылось. Паром Неда не мог вместить всех желающих, поэтому первыми переправлялись лорды Костейн и Шоуни со своими людьми. Каждая ездка туда-сюда, а их было несколько, занимала более часа. Из-за илистых берегов лошадей с повозками приходилось сводить по сходням, а потом тем же манером разгружать на

той стороне. Лорды еще больше затянули переправу, заспорив о первенстве: Шоуни был старше, Костейн же полагал, что его род знатнее.

Дунк терпеливо ждал, изнемогая от жары.

— Вот позволили бы мне снять сапог, и первыми были бы мы, — сказал Эг.

— Ни к чему это. Лорды приехали сюда раньше нас, притом они лорды.

— Мятежники, — скорчил гримасу Эг.

— Как так? — нахмурился Дунк.

— Лорд Шоуни и отец нынешнего лорда Костейна сражались за Черное Пламя. Мы с Эймоном разыгрывали это сражение на зеленом столе мастера Мелакина с раскрашенными солдатиками и маленькими флажками. Герб Костейнов поделен на четверти: серебряная чаша на черном поле и черная роза на золотом. Это знамя находилось на левом фланге Деймонова войска, а Шоуни вместе со Жгучим Клинком бился на правом и заработал тяжелые раны, от которых едва не умер.

— Это дело прошлое. Они оба здесь, не так ли? Стало быть, они склонили колено, и король Дейрон их помиловал.

— Да, но...

— Держи язык за зубами. — Дунк зашипнул мальчику губы, и тот внял совету.

Как только отчалил последний паром с людьми Шоуни, на пристани появились лорд и леди Смоллвуд с собственными людьми, и межевым рыцарям опять пришлось ждать.

Межевое братство продержалось недолго: сир Глендон дулся и держался в стороне от других, сир Кайл, рассудив, что переправы им в ближайшие часы не дождаться, подольщался к лорду Смоллвуду, с которым был немного знаком, сир Мейнард точил лясы с хозяйкой гостиницы.

— Держись от него подальше — может статься, он разбойник, — предупредил Эга Дунк. По какой-то причине Пламм не вызывал у него доверия.

— Никогда еще не встречал рыцарей-разбойников, — тут же загорелся Эг. — Вы думаете, он задумал украсть драконье яйцо?

— Лорд Батервелл наверняка хорошо его охраняет, — ответил Дунк, почесывая зудевшую от комариных укусов шею. — Как по-твоему, он выставит яйцо на пиру? Хотелось бы взглянуть.

— Я бы вам свое показал, только оно в Летнем замке.

— Твое? У тебя есть драконье яйцо? — Дунк нахмурился, подозревая, что мальчишка его разыгрывает. — Откуда бы?

— Дракон снес. Мне его в колыбель положили, сир.

— А в ухо не хочешь? Драконов на свете больше нет.

— Зато есть их яйца. Последний дракон отложил пять штук, и на Драконьем Камне тоже имеется кладка — старая, до Танца еще. У всех моих братьев есть по яйцу. Эйрионово точно из золота с серебром отлито и все в огненных жилках, мое белое в зеленых разводах.

— Так у тебя и вправду есть драконье яйцо. — *«Еще с самой колыбели. — Дунк временами забывал, что Эг на самом деле принц Эйгон. — Ну да, они всегда кладут драконье яйцо в колыбель своим детям».*

— Смотри только при незнакомцах рта не разевай.

— Я ж не дурак, сир. — Эг понизил голос. — Знаете, когда-нибудь драконы вернутся. Брат Дейрон видел это во сне, а король Эйрис в книгах вычитал. Может, как раз мое яйцо и проклюнется — вот будет здорово!

— Ой ли? — Дунк сомневался на этот счет.

Эг же сомнений не испытывал:

— Мы с Эймоном порой представляли, что драконы вылупятся из наших яиц и мы будем летать по небу, как Эйгон Первый и его сестры.

— Угу. Если все прочие рыцари в королевстве провалятся сквозь землю, то лордом-командующим Королевской гвардии стану я. Если эти яйца такие ценные, почему лорд Батервелл свое отдает?

— Может, богатством своим хочет похвастаться?

— Да, пожалуй. — Дунк почесал шею и глянул на сира Глендона Болла. Тот затягивал подпруги седла, пока ждал парома. *«Конь у него долго не*

прослужит». Скакун был стар, мал, да с провислой спиной к тому же. — Почему его отца прозвали Огненным Шаром?

— За горячий нрав и рыжую голову. Сир Квентин Болл был мастером над оружием в Красном замке, обучал боевым искусствам отца, дядюшек и Великих бастардов тоже. Король Эйгон обещал сделать его рыцарем Королевской гвардии, поэтому он заставил жену уйти к Молчаливым Сестрам; но когда освободилось место, Эйгон уже умер, и король Дейрон предпочел сира Уиллема Вайлда. Отец говорит, что как раз-таки Огненный Шар вкупе со Жгучим Клинком подбил Деймона Черное Пламя предъявить права на корону. И спас претендента, когда Дейрон послал королевских гвардейцев взять его под стражу. Позже Огненный Шар убил лорда Леффорда у ворот Ланниспорта и загнал Седого Льва обратно в Утес. При переправе через Мандер он зарубил сыновей леди Пенроз одного за другим, но самого младшего пощадил из жалости к его матери.

— Благородно поступил, — признал Дунк. — Сир Квентин погиб на Краснотравном поле?

— Нет, сир, раньше. Какой-то лучник пустил стрелу ему в горло, когда он спешил, чтобы попить из ручья. Простой стрелок, без имени и звания.

— Простые люди тоже бывают опасны, когда у них появляется охота убивать героев и лордов. А вот и паром. — Лодка медленно ползла через озеро.

— Долго еще. Так как, сир, едем мы в Белостень?

— Почему бы и нет — надо же на драконье яйцо поглядеть. Вот выиграю турнир, тогда у нас обоих будет по яйцу.

Судя по взгляду, Эг не очень верил в подобный исход.

— Чего так смотришь?

— Я бы сказал, сир, — многозначительно ответил мальчик, — да вы велели держать язык за зубами.

Межевых рыцарей посадили за стол ниже соли, ближе к дверям, чем к помосту.

Белостенье был сравнительно новым замком: дед нынешнего лорда возвел его всего лет сорок назад. В простонародье замок прозвали Молочным; светлый гладко обтесанный камень для его постройки добывали в Долине и доставляли сюда через горы с большими затратами. Полы и колонны внутри были беломраморные с золотыми прожилками, стропила вытесали из белых, как кость, чардрев — Дунк даже представить себе не мог, сколько все это стоило.

А вот Большой зал оказался не таким уж и большим. *«Впрочем, пустили внутрь — и то хорошо»*, — подумал он, занимая место между сиром Мейнардом и сиром Кайлом. Приняли их радушно, хотя на пир они явились незваные: плохая это примета — отказывать в гостеприимстве рыцарю в день своей свадьбы. Юному сиру Глендону, однако, было тяжелее.

— Не было у Огненного Шара никаких сыновей, — заявил во всеуслышание стюард лорда Батервелла. Молодой рыцарь стал горячо возражать ему и пару раз помянул сира Моргана Данстебла, но стюард стоял на своем. Сир Глендон схватился за меч, прибежали латники с копьями, и кровопролитие казалось уже неминуемым, но положение спас белокурый рыцарь по имени Кирби Пимм. Он обнял стюарда за плечи, засмеялся и что-то зашептал ему на ухо. Стюард нахмурился и сказал сиру Глендону нечто, заставившее того густо побагроветь. *«Еще немного, и он расплчется, — подумал Дунк. — Или убьет кого-нибудь»*. Но в конце концов юного рыцаря в зал допустили.

Бедняге Эгу посчастливилось меньше.

— Зал только для лордов и рыцарей, — надменно заявил помощник стюарда. — Для оруженосцев, пригравников и латников накрыты столы во дворе.

«Знал бы ты, кто он, — подумал Дунк, — усадил бы его за высокий стол на подушки!» Дунку не очень хотелось оставлять Эга с другими оруженосцами: почти все они были взрослые люди: закаленные бойцы, которые выбрали службу при рыцаре вместо рыцарской службы. *«Хотя были у них выбор?»* Оруженосцу, чтобы стать рыцарем, помимо благородства и военного мастерства нужны еще конь, меч и доспехи — не всякий может это себе позволить.

— Следи за языком, — велел Дунк, перед тем, как оставить его в этой компании. — Они твоей наглости не потерпят. Знай себе лопай да слушай — авось узнаешь что-то полезное.

Сам он был рад посидеть в прохладе над чашей вина, дожидаясь сытного угощения. Даже межевому рыцарю надоедает пережевывать каждый кусок по полчаса. Ниже соли еда скорее всего будет простой, зато изобильной. Дунка это вполне устраивало.

Но что мужик за честь почитает, то лорду срам, как говаривал старый сир Арлан.

— Мне здесь сидеть неуместно, — с жаром заявил помощнику стюарда сир Глендон Болл, переодевшийся в красивый старый дублет, отделанный золотым кружевом, с тремя белыми шарами на красном шевроне дома Боллов на груди. — Известно ли вам, кто был мой отец?

— Благородный рыцарь и знатный лорд, несомненно, но вы здесь такой не один. Садитесь где вам указано, сир, а уйдете — я горевать не стану.

Молодой Глендон угрюмо поджал губы, но все-таки сел ниже соли вместе со своими попутчиками. Скамейки заполнялись быстро; гостей было больше, чем ожидал Дунк, и некоторые, судя по всему, проделали долгий путь. Они с Эгом не бывали в обществе стольких лордов и рыцарей со времен Эшфорда, и оставалось только гадать, кого им здесь еще ждать. *«Лучше бы мы остались на межах и спали под деревьями. Если меня узнают...»*

Слуга раскладывал перед всеми едоками ковриги черного хлеба. Дунк, радуясь, что можно чем-то заняться, разрезал свою надвое, верхнюю половину съел, а из нижней выскреб мякиш, чтобы получилась миска. Хлеб, хоть и черствый, по сравнению с их солониной казался мягче пуха — его можно было жевать не размачивая.

— На вас обращают внимание, сир Дункан, — заметил сир Мейнард Пламм, когда мимо них проследовал лорд Вирвел со своими рыцарями. — Вон те девушки на помосте прямо глаз с вас не сводят! Поспорить могу, они никогда еще не видели такую громадину. Вы на голову выше всех мужчин в этом зале, даже когда сидите.

Дунк сторбился. Он привык, что на него постоянно пялят глаза все, кому не лень, но нельзя сказать, чтобы ему это нравилось.

— Пусть себе смотрят.

— Вон там сидит Старый Бык. Его тоже считают крупным мужчиной — в основном из-за пуза, так мне сдается, — но вы по сравнению с ним великан.

— Чистая правда, сир, — подтвердил один из их сотрапезников — желтолицый, угрюмый, в одежде серовато-зеленых тонов. Его маленькие близко посаженные глаза пронзительно смотрели из-под тонких бровей. Рот обрамляла аккуратная черная бородка в противовес растущей лысине. — Уже ваш рост на турнирном поле сделает вас одним из самых опасных бойцов.

— Я слышал, Бракенский Зверь собирался приехать, — сказал другой сосед по столу.

— Вряд ли, — возразил желтолицый. — Этот турнир не из важных — маленький бой во дворе в честь боя на брачном ложе. Воинам вроде Ото Бракена здесь нечего делать.

— Бьюсь об заклад, милорд Батервелл тоже на поле не выйдет, — сказал сир Кайл. — Будет посиживать в тенечке и высылать вместо себя заступников.

— В таком случае он увидит их побежденными, — заявил сир Глендон, — и вручит мне свое драконье яйцо.

— Сир Глендон — сын Огненного Шара, — объяснил сир Кайл желтолицему рыцарю. — Можем ли мы узнать ваше имя, сир?

— Утор Андерлиф, чей отец ничем не прославился. — Одежда на Андерлифе была добротная, хотя и простого покроя, плащ на плече скрепляла серебряная застежка в виде улитки. — Если копьем вы владеете не хуже, чем языком, сир Глендон, почему бы вам не вызвать этого высокого рыцаря?

— Он будет сражен, несмотря на свой рост, — не замедлил с ответом сир Глендон.

Дунк смотрел на свою чашу, в которую слуга как раз наливал вино.

— Мечом я владею лучше, чем копьем, — признал он, — а боевым топором и того лучше. Здесь намечается стенка на стенку? — В таком бою рост и сила давали ему большое преимущество, в отличие от поединков на копьях.

— На свадьбе? — ужаснулся сир Кайл. — Негоже это.

— Свадьба — тоже своего рода схватка стенка на стенку, — ухмыльнулся сир Мейнард. — Любой женатый человек подтвердит.

— Общей схватки, боюсь, не будет, — усмехнулся сир Утор, — но лорд Батервелл, помимо драконьего яйца, обещал тридцать золотых драконов тому, кто станет вторым, и по десять побежденным в двух предыдущих боях.

«Десять драконов — достойная сумма». На десять драконов можно было купить верхового коня, чтобы не изматывать Грома в дороге. На десять драконов можно было купить Эгу доспехи, а Дунку — настоящий рыцарский шатер с деревом и падучей звездой. *«Десять драконов — это жареный гусь, и окорок, и пирог с голубями».*

— Победители еще и выкуп возьмут, — продолжал сир Утор, выскребая из буханки собственную хлебную миску, — а зрители, говорят, об заклад

будут биться. Сам лорд Батервелл не любитель, но кое-кто из гостей не прочь поставить хорошие денежки.

Тут на галерее затрубили фанфары, и вошел Амброз Батервелл с невестой. Все, включая Дунка, встали. Новобрачные шли рука об руку по узорному миррийскому ковру; девушке было пятнадцать, и она едва расцвела, лорду-мужу стукнуло пятьдесят, и он только что овдовел. Она была румяная, а он — седой. За ней волочился свадебный плащ в белых, зеленых и желтых полосах — тяжело ей, должно быть, в такую жару, почувствовал Дунк. И муж ей достался тяжелый, вислощекий, с редющими льняными волосами.

Следом шествовал с маленьким сыном отец невесты, поджарый лорд Фрей с Переправы в изящном наряде в синих и серых тонах. У четырехлетнего наследника начисто отсутствовал подбородок, зато соплей было хоть отбавляй. Далее следовали лорды Костейн и Рисли с женами, дочерьми лорда Батервелла от первого брака. За ними — дочери лорда Фрея со своими мужьями. Следом шли лорды Пик, Смоллвуд, Шоуни; мелкие лорды и ленные рыцари замыкали процессию. Среди них Дунк разглядел Джона Скрипача и Алина Кокшо — последний явно успел приложиться к чарке еще до начала пира.

Высокий стол заполнился не менее плотно, чем нижний. Молодожену ждал двойной трон из позолоченного дуба с пуховыми подушками на сиденье, прочие рассаживались по креслам с резными подлокотниками. На стропилах позади них висела пара огромных знамен: две синие башни Фреев на сером поле и волнистые полосы Батервеллов — зеленые, белые и желтые.

Первый тост выпало провозглашать лорду Фрею.

— За короля! — лаконично произнес он. Сир Глендон поднял свою чашу так, чтобы она оказалась над тазом для омовения рук. Дунк чокнулся с ним, с сиром Утором и остальными. — За нашего гостеприимного хозяина лорда Батервелла, — продолжал Фрей. — Да ниспошлет ему Отец долгую жизнь и множество сыновей.

Гости снова выпили.

— За молодую леди Батервелл, мою дорогую дочь! Да ниспошлет ей Мать плодородие. — Фрей улыбнулся девушке. — Пусть сегодняшняя ночь пройдет как по маслу. Подари мне внука до конца года, а лучше сразу близнецов, моя милая.

По залу прокатился смех. Густое красное вино само лилось в горло. Затем лорд Фрей сказал:

— А теперь выпьем за королевского десницу Бриндена Риверса, да ведет его лампада Старицы по пути мудрости. — Он поднял высоко кубок и выпил вместе с лордом Батервеллом, невестой и всеми остальными на помосте. Сир Глендон, сидевший ниже соли, опрокинул свою чашу на пол.

— Что ж добро-то переводить, — упрекнул его Мейнард Пламм.

— Я не пью за тех, кто проливает родную кровь. Кроворон — колдун и бастард.

— Родился бастардом, — мягко поправил сир Утор, — но венценосный отец перед смертью признал его. — Он, сир Мейнард и еще многие выпили за десницу, но многие другие не пили или выливали вино по примеру Болла. Дунк тоже выпил, хотя и без особой охоты. *«Сколько глаз у лорда Кроворона? Тысяча и еще один».*

Другие лорды тоже провозглашали здравицы. Выпили за молодого лорда Талли, сюзерена Батервеллов — он под благовидным предлогом не приехал на свадьбу; за Лео Длинношипа, лорда Хайгарденского — он, по слухам, прихварывал; помянули павших — за них Дунк выпил охотно.

Последним встал Джон Скрипач.

— За моих отважных братьев! Я знаю, этим вечером они улыбаются.

Дунку не хотелось напиваться перед завтрашним турниром, но чаши исправно наполнялись после каждого тоста, да и жажда в нем пробудилась. «От чаши вина или рога с элем никогда не отказывайся, — сказал ему как-то сир Арлан. — Кто знает, когда доведется выпить следующую».

«Кроме того, не выпить за здоровье новобрачных — неучтиво, — сказал он себе, — а за короля и его десницу просто опасно — вон сколько глаз вокруг».

Тост Скрипача, к счастью, оказался последним. Лорд Батервелл, тяжело поднявшись, поблагодарил всех пришедших и объявил на завтра турнир.

— А теперь, — произнес он далее, — начнем пировать!

На высокий стол подали молочного поросенка, зажаренного павлина в перьях, огромную щуку в толченом миндале. Ниже соли поросенка заменяла соленая свинина, вымоченная в миндальном молоке и приправленная перцем, а павлина — подрумяненные каплуны с начинкой из лука, трав, грибов и жареных каштанов. Вместо щуки внизу ели белую треску в хрустящем тесте с густой подливкой — Дунк не понял, из чего она состоит. Подавались еще разварной горох, репа с маслом, морковь с медом и острый белый сыр, пахнувший так же резко как Беннис Бурый Щит. Дунк ел вволю; не зная, чем угощают Эга во дворе, он на всякий случай спрятал под плащ половину каплуна, пару краюшек хлеба и немного пахучего сыра.

Скрипки и флейты наполнили зал веселыми мелодиями, а за столом начали толковать о турнире.

— Сир Франклин Фрей известен на Зеленом Зубце, — говорил Утор Андерлиф, по-видимому хорошо знавший местных героев. — Вон он, дядя невесты, на помосте сидит. Лукаса Нейланда из Ведьминой Топи тоже надо принять в расчет, и сира Мортимера Боггса с мыса Расколотая Клешня. Все остальные не представляют никакого интереса: домашние рыцари да деревенские силачи. Из этих лучшие Кирби Пимм и Галтри Зеленый — но зять лорда Батервелла, Черный Том Хеддл, их легко одолеет. С этим шутки плохи. Он получил в жены старшую дочь его светлости, убив трех соперников, а однажды вышиб из седла лорда Утеса Кастерли.

— Неужто молодого Тибольта? — подивился сир Мейнард.

— Нет, Седого Льва, что по весне умер. — Так говорили обо всех, кого унесло Великое весеннее поветрие: по весне умерли десятки тысяч человек, в том числе король и два молодых принца.

— Не забудьте и сира Теомора Бульвера, — заметил сир Кайл. — Старый Бык убил сорок человек на Краснотравном поле.

— И с каждым годом счет павших все возрастает. Его слава осталась в прошлом, — не согласился сир Мейнард. — Посмотрите на него: за шестьдесят, весь жиром оброс, правый глаз все равно что незрячий.

— Не ломайте голову над тем, кто победит на турнире, — сказал кто-то позади Дунка. — Вот он я, сиры: любуйтесь.

За Дунком стоял сир Джон Скрипач с легкой улыбкой на губах. Прорезные крылообразные рукава его белого шелкового дублета, подбитые красным атласом, ниспадали ниже колен, тяжелую серебряную цепь на груди унизывали темные аметисты под цвет его глаз. *«Стоит эта цепь примерно столько же, сколько все мои пожитки»*, — подумал Дунк.

Вино окрасило щеки сира Глендона и воспламенило его прыщи.

— Кто вы такой, чтобы так похваляться?

— Меня зовут Джон Скрипач.

— Так вы музыкант или воин?

— Я неплохо владею и копьем, и смычком. На каждой свадьбе нужен певец, на каждом турнире — таинственный рыцарь. Можно мне сесть вместе с вами? Батервелл был настолько великодушен, что усадил меня за высокий стол, но такие же, как я, межевые рыцари мне гораздо милее пухлых леди и старых лордов. — Скрипач хлопнул Дунка по плечу. — Будьте так добры, сир Дункан, подвиньтесь.

Дунк потеснился, сказав:

— Опоздали, сир, мы все уже съели.

— Не беда. Дорогу на кухню Батервелла я знаю, а вино, полагаю, у вас осталось? — От Скрипача пахло лимонами, апельсинами и еще чем-то — мускатным орехом, что ли: в заморских пряностях Дунк не очень-то смыслил.

— Не пристало рыцарю так хвалиться, — указал сир Глендон.

— В самом деле? Тогда прошу меня извинить: сына Огненного Шара я не хотел бы обидеть ни в коем случае.

— Вы знаете, кто я? — опешил юнец.

— Сын своего отца, полагаю.

— Свадебный пирог прибыл! — воскликнул сир Кайл.

Румяный пирог везли на тележке шестеро поварят; внутри огромного сооружения слышались писк и возня. Когда лорд и леди Батервелл, совместно держа меч, его взрезали, оттуда выпорхнуло с полсотни птиц. На других свадьбах, где бывал Дунк, пирог наполняли одними голубями или певчими пташками, а здесь кого только не было: сойки, жаворонки, голуби всех мастей, пересмешники, соловьи, воробьи и один большой попугай в красных перьях.

— Двадцать одна порода, — сосчитал их сир Кайл.

— И двадцать одна разновидность помета, — добавил сир Мейнард.

— В вашей душе нет ни капли поэзии, сир.

— Зато на вашем плече есть капля помета.

— Свадебному пирогу такая начинка в самый раз, — рассудительно сказал сир Кайл, счистив кляксу. — В браке чего только не бывает: радости и горе, боль и жалобы, любовь, страсть и верность. Потому и птицы все разные: никто не знает, что принесет ему молодая жена.

— Щелку свою, — молвил Пламм, — зачем иначе жениться?

— Выйду ненадолго подышать воздухом. Прошу меня извинить, — сказал Дунк. Отойти ему, если по правде, требовалось по малой нужде, но в столь достопочтенном обществе приличнее говорить, что хочешь на воздух.

— Возвращайтесь поскорей, сир, — сказал Скрипач. — Еще жонглеры будут, а потом провожание.

Ночной ветерок лизнул Дунка, как большой зверь. Утопанная земля под ногами качалась... а может, это его шатало.

Ристалище устроили на внешнем дворе. В тени крепостных стен воздвигли три яруса деревянных сидений для лорда Батервелла и его знатных гостей; по обоим концам поля виднелись шатры, где рыцари могли облачиться в доспехи, и стойки с турнирными копьями. Ветерок всколыхнул знамена, и от свежесвыбеленного барьера для конных поединков пахнуло известкой.

Дунк отправился во внутренний двор, чтобы отыскать Эга: записать рыцаря на турнир должен оруженосец. В незнакомом замке он каким-то образом заблудился и очутился возле псарни. Собаки тут же подняли лай. *«То ли хотят меня разорвать, — подумал он. — то ли учуяли каплуна под моим плащом».* Дунк повернул назад к септе. Мимо с хохотом промчалась женщина, за ней гнался рыцарь с лысой головой. Он то и дело падал, пока женщина сама не подошла помочь ему подняться. *«Может, завернуть в септу и попросить Семерых, чтобы первым завтрашним противником оказался именно он? Нет, негоже так поступать... и где у них тут отхожее место?»* Углядев подходящие кусты, Дунк залез в них, развязал бриджи и принялся изливаться из себя все ранее выпитое. Наверху отворилась дверь; два человека, стуча сапогами, сходили по соседней с кустами лестнице.

— ...убогий пир, право слово. Без Жгучего Клинка...

— Провались он в пекло, ваш Жгучий Клинок, — сказал другой голос, знакомый. — Бастардам, даже и ему, доверять нельзя. Стоит нам одержать пару побед, и он мигом явится из-за моря.

«Лорд Пик!» Дунк задержал дыхание... и струю.

— Мечтать еще не значит победить, — возразил Пику низкий сердитый бас. — Старый Молочник думал, что парень прибудет не с пустыми руками — и все остальные тоже. Красивыми словами да сладкими минами этого не поправишь.

— Все поправит дракон. Принц уверяет, что это яйцо непременно проклюнется. Ему был сон — такой же, когда он предвидел смерть бра-

тьев. С живым драконом к нам сбежится столько мечей, сколько мы пожелаем.

— Дракон — это одно, а сон — другое. И смею вас заверить, Кроворон не дремлет. Нам нужен воин, а не сновидец. Этот мальчишка в самом деле сын своего отца?

— Делайте, что обещали, а об остальном я сам позабочусь. Когда у нас будет золото Батервелла и мечи Фреев, Харренхал и Бракены не замедлят примкнуть к нам. Ото знает, что ему не победить...

Голоса удалились, и Дунк возобновил прерванное было занятие. Затем он отряхнулся и завязал штаны.

— Сын своего отца... — пробормотал он. Кого они могли иметь в виду? Глендона?

Когда он вышел из-за кустов, оба лорда были уже на другой стороне двора. Дунк едва не окликнул их, чтобы они обернулись к нему лицом, но вовремя воздержался, будучи одиноким, безоружным и слегка подвыпившим. *«А может, и больше, чем слегка»*. Постояв и поразмыслив еще немного, он вернулся в зал.

Последнюю перемену блюд убрали, и начались увеселения. Одна из дочерей лорда Фрея весьма дурно сыграла на арфе *«Два сердца, что бьются, как одно»*, жонглеры перебрасывались горящими факелами, акробаты кувыркались. Племянник лорда Фрея запел *«Медведя и прекрасную деву»*, Кирби Пимм отбивал такт по столу деревянной ложкой. *«Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с мохнатой шкурой!»* — подхватил весь зал. Лорд Касвелл упал носом в винную лужицу на столе, леди Вирвел разрыдалась непонятно с чего.

Вино все так же текло рекой, только вместо красного арборского теперь подавали местное. Так, по крайней мере, сказал Скрипач — сам Дунк, честно говоря, разницы не заметил. Отведал он и гипокраса. *«Кто знает, когда еще доведется»*. Межевые рыцари, славные ребята все до единого, завели разговор о женщинах. Дунк вспомнил о Тансель и стал гадать, где она может быть сейчас. Он точно знал, где леди Роанна —

спит в Холодном Рве рядом с храпящим в усы сиром Юстасом. Он старался не вспоминать о ней. *«Вспоминают ли они меня хоть иногда?»*

Но он недолго предавался меланхолическим думам: из деревянной свиньи на колесах выскочили размалеванные карлики и принялись гоняться за дураком лорда Батервелла. Надутые свиные пузыри, служившие им оружием, лопались с громким пуканьем. Дунк, много лет не выдавший ничего настолько смешного, хохотал заодно со всеми. Сынок лорда Фрея настолько проникся действием, что выхватил у одного из скоморохов пузырь и лупил им кого ни попадя. Его смех, визгливый и донельзя противный, вызывал у Дунка желание отшлепать мальчишку или, того лучше, бросить его в колодец. *«Если он и меня начнет лупить, кто знает...»*

— Вот кто свадьбу-то сладил, — заметил сир Мейнард, когда визгливое дитя без подбородка проскакало мимо.

— Как так? — Скрипач подставил пустую чашу слуге-виночерпию.

Сир Мейнард взглянул на помост, где невеста кормила вишнями жениха.

— Его светлость не первый эту плюшку намаслит. Девица-то, говорят, согрешила в Близнецах с поваренком. Все бегала по ночам к нему на кухню, а братец как-то и прокрался за ней, и увидев зверя с двумя спинами, поднял крик. Повара со стражниками сбежались, глядь — миледи и ее кухарь любят на мраморной глыбе, где тесто раскатывают. Оба голехонькие и в муке с головы до ног.

«Враки скорей всего», — решил Дунк. Лорд Батервелл богач, земли у него обширные и полны горшки золота — стал бы он брать за себя обеспеченную девицу да еще драконье яйцо отдавать, чтобы отпраздновать свадьбу с ней. Фреи с Переправы не знатней Батервеллов, только вместо коров у них мост. *«Хотя кто их поймет, лордов этих?»* Дунк грыз орехи и размышлял о том, что подслушал, справляя нужду во дворе. *«Что ж ты такое слышал, чурбан пьяный?»* Гипокрас ему понравился; он выкушал

еще одну чашу, уронил голову на руки и закрыл глаза на мгновение, чтобы дать им отдохнуть от дыма.

* * *

Когда он снова их открыл, половина гостей стояла и кричала:

— В постель! В постель! — Они так орали, что прервали Дунку приятный сон с участием Тансель Длинной и Красной Вдовы. — В постель! В постель! — продолжали выкрикивать гости. Дунк поднял голову со стола и протер глаза.

Сир Франклин Фрей нес невесту на руках по проходу, мужчины и мальчишки толпой бежали за ним. Лорда Батервелла тем временем облепили дамы; леди Вирвел, позабыв о слезах, стаскивала его с сиденья, одна из дочек расшнуровывала ему сапоги, какая-то Фрей снимала рубашку. Лорд со смехом отбивался от них. Было видно, что он пьян, а сир Франклин тем более: настолько пьян, что едва не ронял невесту.

— Эй! — вскричал вдруг Скрипач, рывком подняв Дунка на ноги. — Отдайте ее великану!

Дунк, мигнуть не успев, стал подниматься на башню с навязанной ему ношей. Девушка ляглась, мужчины срывали с нее одежду и отпускали непристойные шутки, предлагая посыпать ее мукой и замесить хорошенько. Карлики путались у Дунка в ногах, вопили, смеялись и лупили его пузырями. Все, что он мог сделать — это стараться не споткнуться о них.

Он не знал, где у лорда спальня, но его к ней успешно подталкивали. На раскрасневшейся хихикающей невесте остался один только чудом уцелевший левый чулок. Дунк тоже сделался пунцовым и вовсе не от напряжения — счастье, что все смотрели на молодую и не замечали, насколько он возбужден. Хотя леди Батервелл никоим образом не походила на Тансель, извивающееся нагое тело на его руках все же пробудило мысли о кукольнойнице. *«Ее прозвали Тансель Длинная, но для меня она была в самый раз»*. Увидятся ли они когда-нибудь снова? Иногда ему казалось,

что она — только лишь сон. *«Она-то, может, и нет, а вот то, что ты приглянулся ей, и впрямь тебе примерещилось, чурбан этакий».*

Просторную и роскошную опочивальню лорда устлали миррийские ковры, в комнате горело не меньше сотни душистых свечей, у двери возвышались доспехи, украшенные позолотой и дорогими камнями. Тут даже собственный нужник был, в наружной стене.

Когда Дунк скинул леди на брачное ложе, один из карликов вскочил туда же и ухватился за ее грудь. Девушка подняла визг, мужчины заржали, Дунк сгреб коротышку за шиворот и оттащил. Неся дрыгающего ногами карлика к двери, он увидел драконье яйцо.

Значительно больше куриного, но не настолько громадное, как воображал Дунк, оно лежало на черной бархатной подушке, на мраморном постаменте. Покрывающая его красная чешуя сверкала при свете ламп и свечей, как рубиновая. Бросив карлика, Дунк поддался порыву и взял яйцо в руки. Оно оказалось тяжелей, чем он думал. *«Таким можно разбить человеку голову, не повредив скорлупы».* Чешуя была гладкой на ощупь, а багрянец будто бы мерцал, когда Дунк поворачивал яйцо в руках. *«Пламя и кровь»*, — подумал он, но в глубине виднелись также золотые искорки и черные завитки.

— Вы что это вытворяете, сир? — осведомился чернобородый, весь в чирьях рыцарь. Дунка поразил его голос: глубокий, хриплый от гнева бас. *«Это он был во дворе с Пиком».* — Положите яйцо на место и не хватайтесь грязными руками за сокровища его светлости, не то пожалеете, клянусь Семерыми.

Рыцарь был не слишком пьян, поэтому Дунк счел за благо послушаться: очень осторожно вернул яйцо на подушку и вытер пальцы о рукав.

— Я ничего дурного не замышлял, сир. — *«Дунк-чурбан, темный как погреб».* Отстранив чернобородого, он вышел из комнаты.

На лестнице слышались возгласы и переливчатый смех: женщины вели лорда к его молодой жене. Не желая встречаться с ними, Дунк направился вверх по ступенькам и очутился на крыше башни, под самыми

звездами. Белые стены замка тускло мерцали вокруг него в лунном свете.

От выпитого Дунка мутило, и он оперся о парапет. *«Похоже, меня вырвет»*. Зачем ему нужно было трогать драконье яйцо? Он вспомнил кукольное представление Тансель и деревянного дракона, с которого начались все беды в Эшфорде. Вспомнив об этом, Дунк, как всегда, почувствовал себя виноватым. *«Трое хороших людей погибли, спасая от топора ступню межевого рыцаря. Какой в этом смысл? Никакого. Извлеки из этого урок, Дунк-чурбан: драконы и драконьи яйца не про тебя созданы»*.

— Точно из снега, правда?

Дунк оглянулся: за ним, улыбаясь, стоял разодетый в шелк и парчу Джон Скрипач.

— Что из снега?

— Замок — вон как светится при луне. Вам не случалось бывать к северу от Перешейка, сир Дункан? Говорят, снег там идет даже летом. Стену не доводилось видеть?

— Нет, милор. — *«С чего это он про Стену заговорил?»* — Мы с Эгом едем как раз туда, в Винтерфелл.

— Хотел бы я с вами отправиться. Показали бы мне дорогу.

— Дорогу? — нахмурился Дунк. — Так это же все время прямо. Следуйте по Королевскому тракту на север и ни за что не пропустите.

— Вы правы... — засмеялся Скрипач. — Впрочем, вы удивитесь, сколько всего люди умудряются пропускать мимо ушей. — Он облокотился на парапет рядом с Дунком. — А еще говорят, что северяне — народ свирепый и в лесах у них волки водятся.

— Что вы делаете здесь наверху, милор?

— Меня Алин ищет, а я не хочу, чтобы он преуспел. Он весьма назойлив, когда выпьет. Я видел, как вы улизнули из спальни ужасов, и потихоньку пошел следом. Не настолько уж я пьян, чтобы любоваться голым Батервеллом, — он загадочно улыбнулся Дунку. — Знаете, сир Дункан, я

видел вас во сне — еще до того, как встретил, — и на дороге сразу признал, как старого друга.

Дунк испытал очень странное чувство, как будто все это с ним уже происходило. *«Я видел вас во сне. Мои сны не такие, как у вас, сир Дункан. Мои сбываются».*

— Я снился вам? — пьяным голосом спросил Дунк. — И что это был за сон?

— Я видел вас во всем белом с головы до ног, в длинном белом плаще. Вы оказались королевским гвардейцем, сир, самым прославленным рыцарем Семи Королевств, и защищать короля было делом всей вашей жизни. — Скрипач положил руку на плечо Дунка. — Вам ведь тоже снился такой сон, я знаю.

Верно, снился. Когда старик впервые дал Дунку подержать меч.

— Любой мальчишка грезит о Королевской гвардии.

— Но для семерых мальчиков грезы сбываются наяву. Хотелось бы вам войти в их число?

— Мне? — Дунк стряхнул руку Скрипача, когда тот стал разминать ему плечо. — Может, да, а может, и нет. — Рыцари Королевской гвардии служат пожизненно, давая обет не иметь жены и не владеть землями. *«А вдруг я когда-нибудь все-таки встречу Тансель — почему бы не жениться, не родить сыновей?»* — Сны — пустое дело. Рыцарей Королевской гвардии назначает только сам король.

— Стало быть, мне придется взойти на трон? Я бы предпочел поучить вас игре на скрипке.

— Да вы пьяны. — *«Ворона заявила, что ворон черный».*

— Восхитительно пьян, сир Дункан. Вино делает возможным даже самое небывалое. В белом вы были бы прекрасны, как бог — но, быть может, вы не любите этот цвет и предпочли бы стать лордом?

Дунк расхохотался ему в лицо:

— Лучше я отращу себе голубые крылья и улечу в небо. Это столь же вероятно, как мое лордство.

— Ну вот, теперь вы смеетесь. Негоже рыцарю насмеяться над своим королем. — Скрипач казался уязвленным. — Ничего... когда вылупится дракон, веры у вас прибавится.

— Дракон вылупится? Настоящий дракон? Где, здесь?

— Я и это видел во сне. Белый замок и дракон, разбивающий скорлупу. А однажды мои братья приснились мне мертвыми. Им было двенадцать лет, а мне всего семь; они посмеялись надо мной — и погибли. Теперь мне двадцать два, и я в свои сны верю.

Дунк вспомнил другой турнир и принца, с которым шел по лугу под теплым весенним дождем. *«Мне снились вы и мертвый дракон, — сказал ему Дейрон, брат Эга. — Здоровенный змей с такими широкими крыльями, что они могли бы покрыть этот луг. Он рухнул на вас — однако вы остались живы, а дракон умер».* Так и случилось: несчастный Бейлор погиб. Опасно строить планы, полагаясь на сны.

— Как скажете, милор, — пожал плечами Дунк, — а теперь позвольте мне удалиться.

— Куда это, сир?

— Спать. Я пьян, как собака.

— Так станьте моей собакой. Эта ночь обещает многое. Повоем вместе на луну, чтобы боги проснулись в своих чертогах.

— Чего вам от меня надо?

— Ваш меч. Став моим человеком, вы подниметесь высоко. Мои сны не лгут, сир Дункан. Вам белый плащ, мне драконье яйцо. Оно *должно* стать моим, я видел. Возможно, как раз оно-то и проклянется, а нет, так...

Позади них хлопнула дверь.

— Вот он, милорд, — сказал кто-то, и на крышу вышел лорд Гормен Пик с парой латников.

— Горми, — протянул Скрипач. — Что ты делаешь у меня в спальне?

— Вы на крыше, сир, и перебрали лишнего. — Лорд Гормен резким жестом отправил стражников вперед. — Мы как раз проводим вас в спаль-

ню, если позволите. Завтра вам выступать на турнире, а Кирби Пимм — весьма опасный противник.

— Я надеялся сразиться тут с сиром Дунканом.

— Возможно, позже, — сказал Пик, неприязненно покосившись на Дунка. — По жребью вам выпал Кирби Пимм.

— Значит, Пимм должен пасть, как и все остальные! Таинственный рыцарь побеждает всегда: ему сопутствует удача. — Латник взял Скрипача под локоть и повел вниз. — Сейчас, похоже, мы должны расстаться, сир Дункан.

На крыше остались только Дунк и лорд Гормен.

— Не надо совать руку в пасть дракона, межевой рыцарь, — прорычал Пик. — Разве мать вас этому не учила?

— Я не знал своей матери, милор.

— Оно и видно. Что он обещал вам?

— Лордство. Белый плащ. Голубые крылья.

— Ну, а я вам обещаю три фута холодной стали в живот, если кому-нибудь проболтаетесь.

Дунк потряс головой, чтобы она прояснилась, но добился лишь того, что его наконец-таки вырвало.

Лорд, которому он забрызгал сапоги, выругался и с отвращением произнес:

— Ни один рыцарь, кроме вашей межевой братии, не стал бы являться на свадьбу без приглашения.

— Нас куда не приглашают, а мы тут как тут. — Вино порядком развязало Дунку язык. Он вытер рот тыльной стороной ладони.

— Запомните то, что я вам сказал, сир. Для своего же блага. — Пик стряхнул блевотину с сапог и ушел. Дунк снова привалился к парапету. Непонятно еще, кто из них безумнее — Скрипач или Пик.

Когда Дунк вернулся в зал, из его сотрапезников остался только сир Мейнард.

— Ну как, была мука у нее на сиськах? — любопытствовал он. Дунк, мотнув головой, налил себе еще, но тут же передумал, решив, что с него хватит.

В замке ночевали лишь лорды и леди, их вассалов и слуг разместили в казарме, остальным предоставлялось спать на соломенном тюфяке в подвале или поставить у западной стены собственное укрытие. У Дунка была только простая палатка, купленная в Каменной Септе, но от дождя и солнца она защищала не хуже шатра.

Шелковые жилища его соседей еще светились в ночи, словно цветные фонарики. Из голубого шатра с подсолнухами слышался смех, из шатра в белых и пурпурных полосах раздавались стоны любви. Эг разместился чуть в стороне. Рядом, спутанные, бродили обе лошади с Мейстером, оружие и доспехи лежали прислоненные к крепостной стене. Пробравшись в палатку, Дунк увидел, что его оруженосец сидит внутри и что-то читает при свече, сверкая гладко выбритым черепом.

— Глаза испортишь со свечкой-то. — Чтение для Дунка оставалось тайной за семью печатями, хотя Эг и пытался его учить.

— Так без свечки ничего не видать, сир.

— А в ухо не хочешь? Что за книга такая? — На странице между словами виднелись изображения ярких щитов.

— Перечень гербов, сир.

— Скрипача ищешь? Напрасный труд. Здесь межевых рыцарей нет, только лорды и особо отличившиеся в битвах воины.

— Я не его ищу, сир, а других, чьи эмблемы во дворе видел. Взять лорда Сандерленда: у него в гербе три бледных женских лица на фоне волнистых полос, зеленых и синих.

— Сестринец? — Сандерленды владели Тремя Сестрами в заливе Пасть. Септоны называли эти острова прибежищем алчности и прочих грехов, а порт Систертон слыл логовом самых отъявленных контрабандистов во всем Вестеросе. — Издалека же он ехал... родственник невесты небось.

— Нет, сир, не родственник.

— Значит, попировать хотел — у них ведь там одну рыбу едят. Видимо, уже тошнит от нее. Тебя, к слову, хорошо накормили? Я тебе принес каплуна и сыра. — Дунк принялся копаться в карманах плаща.

— Нам ребра давали, сир. — Эг низко склонился над книгой. — Лорд Сандерленд сражался за черного дракона, сир.

— Как старый сир Юстас? Ну, старик был не так уж и плох, верно ведь?

— Верно, — подтвердил Эг, — но все-таки...

— Видел я драконье яйцо — красное по большей части. — Дунк положил свои гостинцы вместе с сухарями и солониной. — У Кроворона тоже такое есть?

— Откуда бы? Он низкого рода.

— Нет, не низкого — он просто бастард. — Кроворон хотя и родился вне брака, но оба родителя у него были из благородных. Дунк хотел рассказать Эгу о подслушанном разговоре, но тут рассмотрел его лицо и спросил: — Что у тебя с губой?

— Ерунда, сир. Подрался.

— Дай погляжу.

— Да пустяки, крови почти что и не было. Я вином ее смочил.

— С кем ты дрался?

— С другими оруженосцами. Они говорили...

— Они могли болтать что угодно — что я тебе говорил?

— Чтоб я держал язык за зубами, но когда твоего отца обзывают братоубийцей...

«Он и есть братоубийца, хоть и неумышленный». Дунк сто раз наказывал Эгу не принимать такие слова близко к сердцу. *«Ты ведь знаешь, как все было на самом деле, ну и довольно».* Мало ли о чем толкуют в тавернах и у костров. Всем известно, что Бейлор Копьелом пал от булавы принца Мейкара на Эшфордском лугу — ясно, что разговоров было не избежать.

— Они ведь не знают, что принц Мейкар твой отец. Знали бы, не говорили бы так. — *«Разве что за глаза»*. — И что ты им ответил, вместо того, чтобы придержать язык?

— Что смерть принца Бейлора была злосчастной случайностью. И что принц Мейкар своего брата любил, — виновато произнес Эг. — Тут оруженосец сира Аддама говорит: до смерти, мол, любил, — а оруженосец сира Мэллора: он и другого брата, Эйрису, любит не меньше. Ну, тут я ему и врезал. Со всей силы врезал.

— Тебе бы самому наподдать хорошенько, чтоб ухо было под пару губе. Твой отец, будь он здесь, так бы и поступил. Думаешь, он нуждается в твоей защите, сопляк? Что он тебе наказывал, отпуская тебя со мной?

— Верно служить вам, слушаться во всем и не бояться лишений.

— А еще что?

— Соблюдать королевские законы и правила рыцарской чести.

— А кроме того?

— Брить голову или волосы красить... и никому не называть своего настоящего имени, — неохотно добавил мальчик.

Дунк кивнул.

— И много вина вылакал тот парень, оруженосец?

— Он ячменное пиво пил.

— Вот видишь? Это ячмень да солод за него говорили. Слова — это лишь ветер, Эг. Пусть себе летят мимо.

— Которые ветер, а которые и измена, — упрямылся мальчик. — Это турнир изменников, сир.

— Что, вот прямо все кругом изменники? — Дунк покачал головой. — Даже если и так, то все это было давно. Черный дракон убит, его сторонники помилованы или бежали за море. Притом сыновья лорда Батервелла сражались и на той и на другой стороне.

— Стало быть, он половинчатый изменник.

— Был им шестнадцать лет назад. — Блаженное опьянение рассеивалось: Дунк так рассердился, что почти протрезвел. — Распорядитель турнира — его стюард, Косгроув. Разыщи его и внеси меня в список. Хотя погоди... не называй ему мое имя. — Кто-то из лордов мог запомнить сира Дункана Высокого по эшфордскому турниру. — Запиши меня как Рыцаря Виселицы. — Народ любит, когда на турнире появляется таинственный рыцарь.

— Виселицы, сир? — Эг потерял губу.

— Ну да, из-за щита.

— Да, но...

— Делай, как я сказал, и хватит уже в книгу тарашиться. — Дунк загасил свечу пальцами.

* * *

Солнце поднималось неумолимо, нагревая белокаменный замок. Пахло горячей землей, выполотой травой, и даже легчайший ветерок не шевелил желто-бело-зеленых знамен, обвисших над воротами и на башне.

Таким беспокойным Грома Дунк видел не часто. Жеребец мотал головой, мешая Эгу затягивать подпругу, и даже оскалил разок свои крупные зубы. *«Слишком жарко, — подумал Дунк. — что для человека, что для лошади»*. Впрочем, боевой конь даже в прохладную погоду не должен быть смиренным. *«А в такую жару сама Матерь вышла бы из себя»*.

Поединок во дворе шел своим чередом. Сир Харберт скакал на золотистом коне, убранном в черные цвета с красными и белыми змеями Пейджей, сир Франклин на гнедом в шелковой серой попоне с двумя башнями Фреев. Когда они сошлись, красно-белое копьё переломилось надвое, а голубое разлетелось в щепки, но оба всадника удержались в седлах. С сидений и крепостных стен их поддержали довольно вялыми криками. *«Слишком жарко, чтобы кричать»*. Дунк вытер пот с брови. *«Слишком жарко, чтобы сражаться»*. В голове стучало, как молотом. *«Выиграть бы первый поединок, потом еще один, и с меня довольно»*.

Рыцари разъехались, бросив сломанные копья — уже четвертую пару, на три больше, чем нужно. Хоть Дунк и тянул с доспехами до последнего, подштанники под сталью уже приклеились к телу. *«Ничего, есть вещи похуже, чем промокнуть насквозь от пота»*, — сказал он себе, вспоминая бой на «Белой леди». Тогда целый рой железных людей вторгся к ним на борт, и к концу дня Дунк промок насквозь от крови.

Пейдж и Фрей, вооружившись заново, пришпорили коней и подняли тучу пыли. От треска ломающихся копий Дунк поморщился. *«Зачем было столько есть и пить ночью?»* Он смутно помнил, как нес наверх молодую и как повстречался на крыше башни со Скрипачом и Пиком. *«Что я там делал, на крыше?»* Кажется, разговор шел о драконах или о драконьих яйцах, но...

То ли рев, то ли стон прервал его задумчивость. Золотистый конь отбежал в конец поля без седока, сир Харберт Пейдж повалился наземь. *«Еще двое, и настанет моя очередь»*. Чем скорее он выбьет из седла сира Утора, тем скорее снимет доспехи, выпьет чего-нибудь холодного и отдохнет в тенечке. Пройдет не меньше часа, прежде чем его вызовут снова.

Грузный герольд лорда Батервелла, поднявшийся на верхушку трибуны для зрителей, огласил следующую пару бойцов:

— Сир Аргрейв Непримирымый, рыцарь из Нанни, на службе у лорда Батервелла! Сир Глендон Флауэрс, Липовый Рыцарь! Проявите свою доблесть!

По трибуне прокатился смешок.

Сир Аргрейв был пожилой домашний рыцарь, тощий и жилистый, в помятых серых доспехах, на коне без всяких эмблем. Дунк встречал таких: они крепки, как старые корни, и свое дело знают. Молодой сир Глендон восседал на своем жалком мерине в тяжелой кольчуге и в полушлеме с открытым лицом; в руке он держал щит с огненным гербом своего отца. *«Ему бы панцирь и настоящий шлем, ведь мощный удар в грудь или в голову может убить»*.

Сир Глендон был явно недоволен, тем как его представили.

— Я Глендон *Болл*, а не *Флауэрс*! — заявил он сердито, совершив круг по двору. — Остерегись, герольд: во мне течет кровь героя! — Герольд не соизволил ответить, зрители же отозвались новым смехом.

— Чего над ним смеются? Он бастард, значит? — спросил Дунк. *Флауэрс*ми называли всех бастардов из знатных домов Простора. — А липа тут при чем?

— Могу разузнать, сир, — вызвался Эг.

— Не надо, нас это не касается. Давай сюда шлем. — Сир Аргрейв и сир Глендон склонили копья перед лордом и леди Батервелл. Лорд шепнул что-то на ушко молодой жене, та хихикнула.

— Слушаюсь, сир.

Бритую голову Эга покрывала широкополая шляпа; Дунк, часто дразнивший его по этому поводу, сейчас жалел, что у него самого такой нет. *«Знойным днем солома лучше стали»*. Он убрал волосы с глаз и надел поданный Эгом шлем, прикрепил его к вороту. Подкладка пропахла застарелым потом, вес стали давил на шею и плечи, а голова еще гудела от вчерашнего вина.

— Еще не поздно отказаться, сир, — сказал Эг. — Если вы лишитесь своих доспехов и Грома...

«То рыцарем мне больше не быть», — закончил про себя Дунк, а вслух произнес:

— С чего бы это? — Сир Аргрейв и сир Глендон разъехались по разным концам поля. — Смеющегося Шторма я здесь не вижу — кого мне еще опасаться?

— Да почитай что всех, сир.

— А вот как дам в ухо! Сир Утор на десять лет меня старше и вдвое короче. — Сир Аргрейв опустил забрало, сир Глендону опускать было нечего.

— После Эшфорда вы на турнирах не выступали ни разу, сир.

«Вот ведь наглец!»

— Я упражнялся. — Но не слишком усердно. Когда появлялась возможность, он поражал щиты и кольца на кинтанах. Иногда мишенью выступало днище от бочки, подвешенное на дереве.

— Мечом вы владеете лучше копья, — продолжал Эг. — На мечях или булавах против вас мало кто устоит.

Правда, заключенная в этих словах, привела Дунка в еще большее раздражение.

— Здесь у них на мечях и булавах не сражаются. — Рыцари развернули коней и пошли в атаку. — Давай щит неси.

Эг скорчил гримасу и отправился за щитом. Копье сира Аргрейва лишь оцарапало огненный шар на щите противника, а вот сир Глендон ударил Непримиримого в грудь с такой силой, что у того лопнула подпруга, и рыцарь рухнул наземь вместе с седлом. Волей-неволей Дунк восхитился приему. *«Однако... не зря парень, выходит, хвастался. Теперь небось над ним перестанут потешаться».*

Труба проревела, заставив Дунка поморщиться, и герольд, снова поднявшись на свое место, возгласил:

— Сир Джоффри из дома Касвеллов, лорд Горького Моста, Хранитель Бродов! Сир Кайл, Кот из Туманных Болот! Проявите свою доблесть!

Доспехи на сире Кайле были хорошие, но старые, поношенные, с царапинами и вмятинами.

— Мать была милостива ко мне, — сказал он Дунку и Эгу, собираясь на поединок. — Мне достался лорд Касвелл, именно тот, с кем я хотел побеседовать.

Если на этом поле сегодня кто-то и чувствовал себя еще хуже Дунка, так это лорд Касвелл, упившийся на пиру до бесчувствия.

— Дивлюсь еще, как он на коне-то держится, — сказал Дунк. — Победа вам обеспечена, сир.

— Э, нет, — хитро улыбнулся сир Кайл. — Кот, что любит сливки лизать, знает, когда мурлыкать, а когда когти показать. Если копье его светлости хотя бы заденет мой щит, я мигом кувыркнувшись вниз. А после, отдавая

ему коня и доспехи, поздравлю его с тем, сколь многого он добился после того, как я выстругал ему первый меч. Тут он меня вспомнит, и я еще до исхода дня вновь стану человеком Касвелла, рыцарем Горького Моста.

«Бесчестно это», — чуть было не брякнул Дунк, но успел прикусить язык. Сир Кайл — не первый межевой рыцарь, меняющий честь на теплое местечко у очага.

— Как скажете, — произнес он. — Удачи вам, то есть, верней, неудачи.

Сир Джоффри Касвелл, хлипкий двадцатилетний юнец, в доспехах выглядел все же внушительнее, чем на пиру, лежащий в винной луже. Желтый кентавр натягивал длинный лук у него на щите, украшал шелковую белую попону коня и сверкал на шлеме. *«Впрочем, рыцарь с кентавром на гербе мог бы и половчее ездить верхом»*. Дунк не знал, насколько хорош сир Кайл с копьем, но молодого лорда, похоже, и громкий кашель опрокинул бы. *«Коту всего-то и нужно, что быстро промчаться мимо»*.

С помощью Эга, взявшего Грома под уздцы, Дунк утвердился в высоком жестком седле. Он чувствовал, что многие на него смотрят. *«Любопытствуют, видно, как покажет себя этот здоровенный межевой рыцарь в деле»*. Он и сам бы хотел это знать... ничего, скоро выяснится.

Кот из Туманных Болот был верен своему слову. Копье лорда Касвелла вихлялось, копье сира Кайла целило в сторону, оба коня шли не галопом, а рысью. Когда лорд каким-то чудом зацепил плечо Кайла, тот сразу хлопнулся наземь. *«Не все коты, как видно, падают на ноги»*, — думал Дунк, пока межевой рыцарь кувыркался в пыли. Касвелл потрясал своим целехоньким копьем так, словно выбил из седла Длинношипа или Смеющегося Шторма, никак не меньше. Кот снял шлем и пошел ловить своего коня.

— Щит. — Дунк продел левую руку в лямку и крепко сжал рукоять. Тяжесть щита действовала успокоительно, хотя он был длинноват и не слишком удобен, да и висельник — дурной знак — вызывал неприятное чувство. Надо будет закрасить его при первой возможности. *«Ниспошли*

мне, Воин, плавный ход и скорую победу», — помолился про себя Дунк, пока герольд в очередной раз поднимался на вершушку трибуны.

— Сир Утор Андерлиф! — провозгласил голос. — Рыцарь Виселицы! Проявите свою доблесть!

— Осторожней, сир. — Эг подал Дунку турнирное копьё двенадцати-футовой длины с наконечником в виде железного кулака. — Другие оруженосцы говорят, что сир Утор хорош в седле. И проворен.

— Проворен? — фыркнул Дунк. — Да у него на щите улитка. — Держа копьё стоймя, он медленно послал Грома вперед. *«С одной победой я останусь при своем, с двумя огребу деньжат. На две победы тут вполне можно рассчитывать, с такими-то бойцами».* Хотя бы с противником повезло: ему мог выпасть Старый Бык, Кирби Пимм и еще кто-то из местных героев. Может, распорядитель нарочно так подстроил, чтобы межвые рыцари сражались друг с другом и лорды не срамились, проигрывая кому-то из них? *«Ладно, не важно. Расправляйся с врагами по одному, как говаривал старик. Сир Утор, вот о ком нужно думать сейчас».*

Лорд и леди Батервелл восседали на подушках в тени крепостной стены, рядом расположился лорд Фрей со своим сопливым сынком на коленях. Служанки усердно обмахивали их опахалами, но на дамастовой тунике лорда Батервелла под мышками уже проступили мокрые пятна, а локоны его леди заметно обвисли. При виде Дунка томящаяся от жары и скуки молодая жена встрепенулась и выпятила грудь так, что он покраснел под шлемом. Рыцари склонили копьё, лорд пожелал обоим удачи, леди высунула язык.

Время настало. Дунк отъехал рысью в южный конец ристалища — теперь их с противником разделяло восемьдесят футов утоптанной земли. Серый конь Утора был мельче Грома, но зато моложе и резвее. Сам сир Утор облачился в серебристую кольчугу и зеленый эмалевый панцирь, круглый шлем-бацинет украшали вымпелы из зеленого и серого шелка, на зеленом щите была изображена серебряная улитка. *«Хорошие броня и конь превратятся в хороший выкуп, если я спешу его».*

Пропела труба.

Гром медленной рысью двинулся вперед. Дунк перебросил копье на лево и опустил вниз, так чтобы оно смотрело поперек холки коня на противника. Щит прикрывал левую половину туловища. Пригнувшись, Дунк крепко сжал ногами бока Грома и устремился навстречу. *«Мы — единое целое. Человек, конь и копье, мы — одно существо из крови, дерева и железа».*

Серый конь сира Утора неся, взметая пыль. Когда между ними осталось всего сорок футов, Дунк послал Грома в галоп и нацелил копье в улитку. Все исчезло в этот миг: палящее солнце, пыль, замок, лорд и леди Батервелл, Скрипач, сир Мейнард, рыцари, оруженосцы, пригнанные, просто люди. Остался один только враг. Дунк еще раз пришпорил Грома. Улитка летела на него, приближаясь с каждым скоком коня, но ее опережал железный кулак на копье сира Утора. *«Ничего, щит крепок, он выдержит. Главное — это улитка. Попав в нее, я одержу победу».*

Когда оставалось десять ярдов, сир Утор приподнял наконечник.

Раздался оглушающий треск. Дунк ощутил, что его копье попало в противника, но не увидел, куда именно. Затем железный кулак Утора врезался ему прямехонько между глаз, вобрав всю силу человека и коня.

* * *

Очнулся Дунк на спине, глядя в сводчатый потолок. В голове слышались чьи-то голоса, вокруг плавали лица: сир Арлан, Тансель Длинная, Беннис Бурый Щит, Красная Вдова, Бейлор Копьелом, Эйрион Пламенный Принц, безумная и грустная леди Вейт. Потом он вдруг сразу вспомнил турнир: жара, улитка, разящий кулак. Дунк со стоном приподнялся на локте, и голова разразилась грохотом, словно боевой барабан.

Видел он, однако, обоими глазами, и дырки во лбу, к счастью, тоже не было. Он лежал в каком-то подвале, среди бочек с вином и элем. *«Прохладно — и то хорошо. И питье под рукой».* Дунк почувствовал вкус крови

во рту, и его охватил страх. Если он откусил себе язык, то станет не только тупым, но и немым.

— Доброе утро, — просипел Дунк — так, на пробу — и услышал, как голос эхом отразился от потолка. Он попытался встать, но погреб вокруг пошел колесом.

— Тихо, тихо, — сказал сторбленный старичок в длинном сером платье и с такими же серыми длинными волосами. На шее у него висела мейстерская цепь из многих родов металла, на морщинистом лице торчал, будто клюв, большой нос. — Лягте и дайте мне посмотреть на ваши глаза. — Он заглянул в левый глаз, потом в правый, осторожно придерживая веки двумя пальцами.

— Голова болит очень...

— Скажите спасибо, что она на плечах у вас удержалась, сир, — фыркнул мейстер. — Вот, выпейте — это поможет.

Дунк выпил мерзкое на вкус снадобье все до последней капли и даже умудрился удержать его в себе.

— Турнир... — произнес он, вытирая рот рукой, — что там произошло?

— Та же дурость, что и всегда. Люди сшибают друг друга палками с лошадей. Племянник лорда Смоллвуда сломал запястье, сире Эдену Рисли придавил ногу упавший конь, но убить пока никого не убили — хотя за вас, сир, я сильно тревожился.

— Я упал, да? — спросил Дунк и тут же пожалел. Голова будто была набита песком, иначе он нипочем не стал бы задавать столь глупые вопросы.

— С таким грохотом, что на стенах слышали. Те, кто поставил на вас, очень расстроились, а оруженосец ваш просто не в себе был. Так и сидел бы около вас, кабы я его не прогнал. Пришлось напомнить ему о долге, чтоб не путался под ногами.

Дунку тоже бы не мешало напомнить.

— О каком долге?

— Ваш конь, сир. Доспехи. Оружие.

— Да, конечно... — Эг хороший оруженосец и свои обязанности знает. *«Я потерял все: и меч старика, и доспехи, которые Железный Пейт мне выковал».*

— Ваш друг скрипач тоже наведывался, просил приложить все силы для вашего исцеления. Я и его выгнал.

— Долго я у вас здесь лежу? — Дунк пошевелил пальцами правой руки. Все они как будто были целы. *«Только голова пострадала, но сир Арлан говорил, что она все равно пустая».*

— Четыре часа по солнцу.

Ну, это еще не так страшно. Дунк слышал о рыцаре, который после падения на турнире проспал сорок лет и проснулся глубоким старцем.

— Не знаете, выиграл ли сир Утор свой второй поединок? — Может, Улитка и турнир выиграет... победителю проиграть все же не так обидно.

— Он-то? Да. Уложил сира Аддама Фрея, кузена новобрачной. Ее светлость лишилась чувств, когда сир Аддам упал, пришлось отнести ее в замок.

Дунк, шатаясь, поднялся на ноги.

— Где моя одежда? Я должен идти... мне надо...

— Не такое уж, видно, важное дело, раз вы позабыли, — сказал мейстер, и, раздраженно махнув рукой, добавил: — Я посоветовал бы вам воздерживаться от жирной пищи, крепких напитков и остерегаться новых ударов в лоб... но рыцари, по опыту знаю, мудрых советов не слушают. Ступайте себе: мне еще других дуралеев лечить.

* * *

В небе широкими кругами парил ястреб. Дунк ему позавидовал. На востоке собирались тучи, мрачные под стать состоянию его духа. Солнце лупило по голове, как молот по наковальне, земля под ногами качалась... а может, это его шатало. Выбираясь из подвала, Дунк пару раз чуть не упал. *«Зря я Эга не слушал»*, — думал он, ковыляя через внешний

двор. Двое оруженосцев вели с поля под руки лорда Алина Кокшо, сраженного Глендоном Боллом, третий нес шлем со сломанными перьями.

— Сир Джон Скрипач! — провозгласил тем часом герольд. — Сир Франклин из дома Фреев, рыцарь Близнецов, присягнувший Лорду Переправы. Проявите свою доблесть!

Дунк остановился посмотреть. Вороной конь Скрипача выбежал на поле в вихре голубого шелка, разукрашенного золотыми мечами и скрипками. Панцирь, наколенники, налокотники, поножи и ворот доспехов покрывала голубая эмаль, внизу была поддета позолоченная кольчуга. Сир Франклин выехал на сером в яблоках скакуне с серебряной гривой, в тон своим серым шелкам и посеребренным доспехам. Его щит, сюрко и попона коня были украшены двумя башнями Фреев. Рыцари съезжались несколько раз, но Дунк, глядя на них, ничего не видел. *«Эх ты, Дунк-чурбан, темный как погреб: как ты умудрился проиграть человеку с улиткой в гербе?»*

Только когда вокруг закричали, он заметил, что Франклин Фрей лежит на земле. Скрипач спешился и помог противнику встать. *«Теперь он на шаг ближе к драконьему яйцу, а вот я...»*

У боковых ворот Дунк наткнулся на вчерашних карликов. Готовясь к отъезду, они запрягали маленьких лошадок в свою свинью на колесиках и другую телегу, обыкновенную. Их было шестеро, один меньше и уродливее другого — и взрослые, и словно бы дети, кто этих коротышек поймет. Среди белого дня, в домотканой шерсти, они не казались такими потешными, как в своих шутовских нарядах.

— Доброго вам дня, — вежливо сказал Дунк. — В дорогу собираетесь? На востоке вон тучи, того гляди дождь хлынет.

Карлики промолчали, только самый страхолюдный злобно глянул на него вместо ответа. *«Не тот ли, кого я ночью оттащил от молодой леди Батервелл?»* Несло от него вблизи, как от нужника: Дунк сморщил нос и скорей пошел дальше.

Молочный замок казался ему бескрайним, как пески Дорна. Порой он опирался на стену, и при каждом повороте головы в глазах все плыло. *«Воды надо попить, вот что... иначе я грохнусь».*

Встречный конюх показал ему, где найти колодец. Кайл-кот, сторбленный и несчастный, тоже сидел там, тихо беседуя с Мейнардом Пламмом.

— Сир Дункан? А мы думали, что вы умираете или уже умерли.

— Лучше бы умер, — потер виски Дунк.

— Мне это чувство знакомо, — вздохнул сир Кайл. — Лорд Касвелл меня не признал. Я рассказываю, как сделал ему первый меч, а он смотрит на меня как на полоумного и говорит, что в Горьком Мосте слабакам вроде меня места нет. Коня, оружие и доспехи однако забрал, не побрезговал, — с горьким смехом добавил он. — Что же я теперь-то буду делать?

Хотел бы Дунк знать ответ. Даже у вольного всадника должен быть конь, а у наемника меч, чтобы кому-то его продать.

— Найдете себе другого коня, — сказал он, вытянув ведро из колодца. — Мало ли лошадей в Семи Королевствах! И лорда найдете другого, чтобы вооружил вас. — Дунк зачерпнул ладонями из ведра и напился.

— Другого? Не подскажете ли, кого? Я не так молод и крепок, как вы, да и ростом не вышел. На больших рыцарей всегда спрос, взять хоть лорда Батервелла с его Томом Хеддлом. Не видели, как этот Том всех своих противников посшибал? И молодой Болл тоже, и Скрипач. Жаль, что не он меня спешил — Скрипач выкупа не берет. Говорит, что ему нужно только яйцо — и чтобы побежденные оставались его друзьями. Цвет рыцарства, да и только.

— Не цвет, а скрипка, — со смехом поправил Пламм. — Скоро тут такая музыка заиграет, что лучше нам всем убраться подобру-поздорову, пока еще не началось.

— Не берет выкупа? — подивился Дунк. — Благородно.

— Легко быть благородным, когда кошелек набит золотом, — заметил сир Мейнард. — Смекните, что тут к чему, сир Дункан, и уезжайте, пока не поздно.

— Куда это?

— Да куда хотите. В Винтерфелл, в Летний замок, в Ашай у Края Теней. Главное, подальше отсюда. Берите своего коня, доспехи и убегайте черным ходом. Улитка к следующему поединку готовится, ему не до вас.

Дунк едва не поддался искушению. В доспехах и на коне он все-таки останется рыцарем или чем-то вроде этого, а без них он нищий, хоть и высокого роста. Но теперь доспехи и оружие принадлежали сиру Утору. И Гром тоже. *«Уж лучше быть нищим, чем вором»*. На Блошином Дне он вместе с Хорьком, Рейфом и Жирдьяем был и тем и другим, но старый рыцарь спас его от участи городского отребья. Что ответил бы сир Арлан из Пеннитри на предложение Пламма? Дунк знал, что, и сказал это за него:

— Честь должна быть даже у межевого рыцаря.

— По-вашему, умереть с нетронутой честью лучше, чем жить с запятнанной? Ладно, ладно; заранее знаю ваш ответ. Бегите вместе со своим мальчишкой, виселичный рыцарь, пока этот герб не стал вашей судьбой.

— А вы что, предсказатель? — ошетинился Дунк. — Может, вещие сны видите, как Скрипач? И что вам известно об Эге?

— Известно, что яйцу лучше держаться подальше от сковородки. Бело-стенье для него — место нездоровое.

— Как вы сами выступили на ристалище, сир?

— Я решил воздержаться — уж очень знаки дурные. Кому, вы думаете, достанется приз?

«Только не мне», — подумал Дунк и сказал:

— Одни лишь Семеро это ведают.

— А вы покумекайте как следует — с глазами ведь у вас все в порядке.

— Скрипачу? — рискнул Дунк.

— Неплохо. А почему?

— Так я чувствую.

— Вот и я чувствую, что ни взрослым, ни мальчишкам на пути у нашего Скрипача лучше не стоять, — произнес Мейnard Пламм.

* * *

Эг чистил Грома у их палатки, глядя куда-то вдаль. Сразу видно, что оруженосцу тяжело далось падение его рыцаря.

— Хватит, — сказал ему Дунк. — Не то скоро он станет таким же лысым, как ты.

— Сир! — Эг бросил скребницу и обнял Дунка. — Я же знал, что какая-то улитка вас не может убить!

Дунк снял с него шляпу и нахлобучил ее на себя.

— Мейстер сказал, что ты сбежал с моими доспехами.

Эг с негодованием вернул шляпу на место.

— Я все отполировал до блеска: и кольчугу, и панцирь, и поножи, но на шлеме после удара осталась вмятина. Надо, чтобы кузнец ее выправил.

— Вот пусть сир Утор и выправляет. Это теперь его шлем. — *«Ни коня, ни меча, ни доспехов. Надо было к карликам попроситься на роль великана. Лупили бы меня свинными пузырями — вот была бы умора»*. — И Гром тоже его. Отведем ему коня и пожелаем удачи в следующих боях.

— Разве вы не хотите выкупить Грома?

— Чем? Галькой или овечьими катышками?

— Я думал об этом, сир. Деньги можно занять...

— Столько мне никто не даст, Эг. Кто захочет ссужать деньги законченному олуху, которому улитка чуть голову не снесла?

— Тогда берите Дождинку, сир, а я снова сяду на Мейстера. Поедем в Летний замок, вы поступите на службу к отцу, лошадей у него полно. Будет у вас два коня — боевой и верховой.

Намерения у Эга были самые добрые, но Дунк не желал являться в Летний замок побитым и проситься на службу, не имея даже меча.

— Тебе там будет хорошо, парень, а мне негоже кормиться крохами со стола твоего лорда-отца и выклянчивать лошадь с его конюшни. Пришло нам, видно, время расстаться. — Дунк всегда мог поступить в городскую стражу Ланниспорта или Староместа: такого высоченного наверняка примут. *«Я стучался башкой обо все строила от Ланниспорта до Королевской Гавани — пора и пользу какую-то из своего роста извлечь, кроме шишек»*. Но стражникам оруженосцев не полагается. — Я научил тебя тому немногому, что знал сам; теперь ты поступишь в науку к настоящему мастеру над оружием, старому рыцарю, знающему, каким концом копье держат.

— Не хочу к мастеру над оружием, хочу с вами. Что, если мне залезть в свой сапог...

— И слушать не желаю. Собери доспехи, чтобы вручить сире Утору со всеми любезностями. Нечего откладывать плохое — от этого оно становится еще хуже.

Эг пнул землю, и лицо у него вытянулось под стать полям соломенной шляпы.

— Как скажете, сир.

* * *

Снаружи шатер сира Утора был весьма скромен: четырехугольный, из простого холста, привязанный пеньковыми веревками к колышкам. Единственным его украшением служил серый вымпел с улиткой на срединном шесте.

— Жди здесь, — велел Дунк Эгу. Тот вел в поводу Грома, груженного оружием и доспехами вплоть до щита с висельником. *«Таинственный рыцарь из меня получился так себе»*. — Я скоро. — Пригнувшись, он вошел внутрь.

Внешний вид палатки ничем не намекал на столь богатое убранство внутри. Дунк ступил на миррийский ковер и увидел перед собой пуховую постель с грудой подушек. На жаровне курились благовония, на по-

ходном столе перед сиром Утором стоял винный штоф и лежала кучка монет, золотых и серебряных.

Улитка со своим оруженосцем, простоватым парнем тех же примерно лет, что и Дунк, пересчитывал деньги, порой пробуя монету на зуб.

— Учить тебя еще да учить, Уилл. Видишь, эта обрезана, та спилена, а на эту взгляни? — Золотая монета мелькнула между пальцев. — Внимательно надо смотреть, прежде чем брать! Вот еще одна, о ней что скажешь? — Дракон взлетел, вращаясь в полете. Уилл попытался поймать монету, но она отскочила от ладони и упала на землю. Подобрал, он повертел ее пару раз и наконец ответил:

— Тут все в порядке, сир. На одной стороне дракон, на другой король...

— А вот и Висельник, — бросил сир Утор. — Рад видеть вас на ногах, сир, я уж боялся, что убил вас. Не растолкуете ли моему оруженосцу, как отличить истинного дракона от мнимого? Уилл, дай сиру Дункану монету.

Дунку пришлось взять ее. *«Победил и думает теперь, что может помыкать побежденным?»* Он хмуро взвесил монету на ладони, рассмотрел, прикусил.

— Золото. Не обрезано. Вес тоже правильный. Я бы сам взял такую. В чем подвох, сир?

— В короле.

Дунк присмотрелся к красивому, чисто выбритому, молодому лицу. Эйрис на монетах изображается с бородой, старый король Эйгон тоже. Дейрон, что правил между ними, брил бороду, но это явно не он. Монета новая, не истертая — стало быть, о ком-то из предшественников Эйгона Недостойного тоже речь не идет. Дунк попытался разобрать имя в нижней части монеты. Шесть букв, такие же, как на многих других драконах, и означают они «Дейрон», но Дунк знал, как выглядит Дейрон Добрый, и это не он. И четвертая буква здесь какая-то не такая...

— «Деймон», — выпалил Дунк. — Здесь написано «Деймон». Но короля Деймона у нас никогда не было, разве что...

— Претендент, — завершил сир Утор. — Деймон Черное Пламя во время мятежа чеканил собственную монету.

— Так все равно ж золото, — вставил Уилл. — Значит, монета ничем не хуже прочих драконов.

Улитка дал ему по уху.

— Вот болван! Золото, да мятежное. Держать у себя такую монету — измена, а пускать в оборот — измена вдвойне. Надо будет ее переплавить. Уйди с глаз моих, — сказал Утор, сопроводив это новой затрепичной. — Нам с этим достойным рыцарем надо кой о чем потолковать.

Уилл мигом улетучился, а сир Утор вежливо предложил:

— Присаживайтесь. Не желаете ли вина? — Здесь он был вовсе не такой, как на пиру. *«Настоящая улитка у себя в домике».*

— Нет, благодарю вас. — Дунк вернул монету хозяину. *«Золото мятежников. Золото Черного Пламени. Эг говорил, что это турнир изменников, а я не слушал».* Ему придется извиниться перед мальчиком.

— Полчашечки, — настаивал Андерлиф. — Сдается мне, вы в этом нуждаетесь. — Налив две чаши, он протянул одну Дунку. Без доспехов он походил больше на купца, чем на рыцаря. — Вы ведь пришли насчет выкупа?

— Да. — Дунк выпил, надеясь, что это немного заглушит стук в голове. — Привел вам коня с доспехами и оружием. Примите их с глубочайшим моим почтением.

— В этом месте мне полагается сказать, что вы сражались отважно, — с улыбкой произнес Андерлиф.

Дунк решил, что «отважно» — это учтивый способ сказать «топорно».

— Вы очень добры, однако...

— Кажется, вы меня недослушали, сир. Смею ли я спросить, как вы стали рыцарем?

— Сир Арлан из Пеннитри нашел меня на Блошином Дне, где я бегал за свиньями. Преподобный его оруженосец погиб на Краснотравном поле, и

некому стало чистить его коня и кольчугу. Он обещал обучить меня военным наукам, если я ему послужу, и я согласился.

— Славная история... хотя про свиней я бы на вашем месте упоминать не стал. Где он теперь, ваш сир Арлан?

— Он умер, и я его схоронил.

— Дома у него? В Пеннитри?

— Я даже не знаю, где это. — О своем родном селении сир Арлан, как и Дунк о Блошином Дне, не любил говорить. — Я похоронил его на склоне холма, лицом к западу, чтобы он мог смотреть на закат. — Складной стул опасно скрипнул под Дунком.

— Доспехи у меня свои, и конь лучше вашего. Зачем мне старая кляча и помятое ржавое железо в придачу?

— Их сковал мне Железный Пейт, — обиделся Дунк, — и Эг хорошо за ними ухаживает. Ни пятнышка ржавчины, и сталь хорошая, крепкая.

— Тяжелая и непригодная для человека обыкновенного роста, — возразил сир Утор. — Очень уж вы большой вымахали, Дункан Высокий. Что до коня, то он слишком стар для езды и слишком жилист для еды.

— Да, Гром уже не молод, — признал Дунк, — и доспехи мои вам не впору, но их ведь можно продать. В Ланниспорте и Королевской Гавани кузнецов много, и они охотно возьмут их у вас.

— Разве что на переплавку, за десятую долю настоящей цены. Нет, я предпочитаю звонкое серебро, а не ржавое железо. Хотите выкупить у меня свое имущество или нет?

Дунк только сейчас рассмотрел чашу, из которой пил, — серебряную, с инкрустацией из золотых улиток по ободу. Вино тоже было золотистым и крепким на вкус.

— Я бы с дорогой душой, только...

— Только у вас в кошельке и два оленя рогами не сцепятся.

— Если б вы... согласились на время оставить мне коня и доспехи, я бы заплатил выкуп позже. Когда разживусь монетой.

— И когда же это будет, позвольте вас спросить? — с усмешкой спросил сир Улитка.

— Я могу поступить на службу к кому-нибудь из лордов. — Слова давались Дунку с трудом — не попрошайка же он, в самом деле. — Пусть через несколько лет, но я заплачу вам. Клянусь.

— Честью рыцаря?

— Могу поставить знак на пергаменте, — покраснел Дунк.

— Каракули межевого рыцаря... — Сир Утор закатил глаза. — Этой бумажкой разве что подтереться можно.

— Вы тоже межевой рыцарь.

— А вот это уже оскорбление. Я сам себе господин, это так, но на меже давненько не ночевал — в гостиницах гораздо удобнее. Я *турнирный* рыцарь, лучший боец из всех, кого вы встречали и еще встретите в этой жизни.

— Лучший? — Его откровенная похвальба разозлила Дунка. — Смеющийся Шторм не согласился бы с вами, сир. И Лео Длинношип тоже, и Бракенский Зверь. На Эшфордском лугу никто не поминал об улитках — почему так, коли вы побеждаете раз за разом?

— Кто вам сказал, что я побеждаю? Это значило бы прославиться, а слава для меня хуже чумы. Вот выиграю еще один поединок да и брякнусь с коня. Батервелл назначил тридцать драконов тому, кто станет вторым — с меня и довольно. Добавим к этому пару выкупов и выигранные ставки. — Утор показал на кучу серебра и золота на столе. — Вы парень здоровый да высоченный — дураки всегда на рост покупаются, хотя на турнире от него ровно никакой пользы. Уиллу против меня ставили три к одному, а лорд Шоуни, болван, все пять поставил. — Взяв серебряного оленя, он затеребил его в своих длинных пальцах. — Следующим у меня будет Старый Бык, за ним Липовый Рыцарь, если продержится столько. Вся прелесть в том, что ставить будут именно на них: простолюдины любят своих героев.

— Сир Глендон — сын подлинного героя, — заметил Дунк.

— Надеюсь, что так. Героическая кровь расценивается как два к одному — шлюхина подешевле будет. Он постоянно болтает о своем мнимом родителе, а вот имя матери, если помните, ни разу не помянул. Оно и понятно, ведь родился он от лагерной потаскухи по прозванию Грошовая Дженни, — но в ночь перед Краснотравным полем она обслужила столько народу, что получила имя Краснотравной Дженни. Огненный Шар, несомненно, тоже имел ее — наряду с сотней других. Наш друг Глендон многовато берет на себя, не будучи даже и рыжим.

«Вот тебе и кровь героя», — подумал Дунк.

— Он утверждает, что он рыцарь.

— Ну, это-то как раз правда. Они с сестрой выросли в борделе под названием «Липы». После смерти матери о них заботились другие девки, повторяя сочиненную Грошовой Дженни байку о героическом семени. Старый оруженосец, живший по соседству, худо-бедно обучал парнишку военному ремеслу в обмен на любовь и эль, но в рыцари, понятное дело, его не мог посвятить. Полгода назад, однако, в бордель завернули несколько рыцарей, и некий сир Морган Данстебл спяну возжелал сестру сира Глендона. Та, видите ли, была еще девственница; таких денег у рыцаря не нашлось, вот они и заключили сделку. Сир Морган посвятил ее брата в рыцари прямо там, при двадцати свидетелях, после чего сестра отвела его наверх и позволила сорвать свой цветочек. Такие дела.

Любой рыцарь может посвятить в рыцари кого пожелает. Служа сиру Арлану, Дунк слышал о рыцарстве, купленном за услуги, угрозы или мешок серебра, но о сестриной невинности до сих пор не слыхивал.

— Выдумки, — услышал Дунк свой голос. — Не может это быть правдой.

— Мне об этом рассказывал Кирби Пимм — он уверяет, что сам был свидетелем, — пожал плечами сир Утор. — Сын героя, сын шлюхи, сын их обоих — все равно, против меня он не сдюжит.

— По жребию вам может выпасть иной противник.

— Косгроув любит серебро не меньше кого другого, — вскинул бровь Андерлиф. — Уверяю вас, что следующим я вытащу Старого Быка, а потом юнца. Хотите, поспорим?

— Спорить мне не на что. — Дунк не знал, что хуже: подкуп распорядителя игр или то, что своим первым противником Улитка выбрал его самого. — Я уже сказал вам все, ради чего пришел. Мой конь, меч и доспехи ваши.

— Есть другой выход. — Улитка сложил пальцы домиком. — Вы не лишены дарований — падаете, к примеру, просто великолепно. Я согласен оставить вам коня и доспехи, если пойдете ко мне на службу.

— Что за служба такая? — не понял Дунк. — Оруженосец у вас уже есть. Набираете гарнизон для замка?

— Замка у меня нет, предпочитаю гостиницы. Замок слишком дорого обходится. Я хочу, чтобы вы сражались со мной на других турнирах — двадцати раз, пожалуй, будет довольно. Будете получать десятую долю моего выигрыша, я же впредь обязуюсь целить в вашу широкую грудь, а не в голову.

— Я должен ездить с вами, чтобы падать с коня?

— Глядя на ваши стати, никто не поверит, что хилый старикан с улиткой на щите способен вас одолеть — усмехнувшись, ответил сир Утор. — Вам, кстати, лучше завести новый герб. — Он потер подбородок. — Висельник достаточно жуток, верно, но ведь он повешен, а стало быть, побежден. Лучше взять медвежью голову или череп... нет, лучше три черепа. Или младенца, пронзенного копьем. Далее, вы отрастите себе волосы и отпустите бороду — чем длинней и косматей, тем лучше. Мелкие турниры устраиваются чаще, чем вы полагаете. С моими доходами мы купим себе драконье яйцо прежде, чем...

— Прежде чем слух о моей никчемности разойдется повсеместно? Честь свою я вам не проигрывал — только коня и доспехи.

— Нищему гордость не к лицу, сир, а служить у меня вовсе не так уж зазорно. Я, по крайней мере, научу вас паре приемов, о которых вы понятия не имеете.

— Вы хотите сделать из меня дурака.

— Уже сделал, а есть-пить и дураку надобно.

Дунку страх как хотелось сбить улыбку с лица сира Утора.

— Я понимаю теперь, почему у вас на щите улитка. Вы не истинный рыцарь.

— Зато вы истинный олух и к тому же слепец. Знаете, почему я бил в голову? Удар вот сюда, — Улитка встал, отставив в сторону свой кубок, и тронул пальцем грудь Дунка, — выбил бы вас из седла с тем же успехом. Голова меньше, и в нее труднее попасть, зато смертельный исход куда вероятней. Мне заплатили, чтобы я бил туда.

— Заплатили? — попятился Дунк. — Как заплатили?

— Шесть драконов вперед, еще четыре, когда вы умрете. Скажите спасибо, что жизнь рыцаря столь дешево оценили; если б мне предложили больше, я бы постарался вогнать копьё в глазную прорезь вашего шлема.

Дунку снова сделалось дурно. *«За что кто-то хочет меня убить? Я никому в Белостенье не делал зла»*. Один только Эйрион, брат Эга, люто ненавидит его, но Пламенный Принц изгнан за Узкое море.

— Кто дал вам денег?

— Чей-то слуга принес мне их на заре, как только распорядитель назначил, кто с кем сражается. Он надвинул капюшон на лицо и своего хозяина не назвал.

— Но зачем кому-то меня убивать?

— Я не спрашивал. — Сир Утор подлил себе вина. — Похоже, у вас больше врагов, чем вы думаете, сир Дункан. Оно и понятно: многие скажут, что вы причина всех наших бед.

Сердце Дунка точно холодная рука сжала.

— Извольте объясниться.

— На Эшфордском лугу меня и впрямь не было, но ведь турниры — мой хлеб. Я наблюдаю за ними, как мейстер за звездами, и слышал, как некий межевой рыцарь стал причиной испытания Семерых и как оное испытание привело к смерти Бейлора Копьелома от руки его собственного брата Мейкара. — Сир Утор уселся, вытянув ноги. — Бейлора любили многие, и у Пламенного Принца тоже найдутся друзья, не забывшие, за что он был изгнан. Подумайте над моим предложением, сир. Улитка оставляет за собой слизистый след, это так, но слизь не во вред человеку... зато когда танцуешь с драконами, немудрено и сгореть.

* * *

День заметно померк. С востока надвигались темные тучи, солнце клонилось к западу, отбрасывая длинные тени. Оруженосец Уилл осматривал ноги Грома.

— Где Эг? — спросил его Дунк.

— Лысый-то? А я почему знаю, убег куда-то.

«Не вынес прощания с Громом, — подумал Дунк. — Ищет утешения в своих книгах».

Но книги лежали стопкой у постели мальчугана, а самого Эга не было и следа. Дунку это не понравилось: Эг никуда бы не ушел без его разрешения.

Два седеющих латника угощались пивом у полосатого шатра неподалеку.

— ...да провались оно, мне и одного раза хватило. Трава была зеленая, как солнце взошло... — говорил один, заметивший Дунка, лишь когда другой пихнул его локтем. — Сир?

— Оруженосца моего не видели? Эга?

— Да, знаю. — Служивый поскреб свою седую щетину. — Волос меньше, чем у меня, а язык втрое длинней, чем надо. Другие ребята малость поколотили его, но то было ночью. С тех пор я его не встречал.

— Прячется, видать, — сказал другой. Дунк наградил его суровым взглядом и приказал:

— Если придет, скажите, чтобы ждал меня тут.

— Да, сир, непременно скажем.

«*Может, он на поединки решил посмотреть?*» Дунк пошел к турнирному полю. Сир Глендон Болл у конюшни чистил справную гнедую кобылку. Дунк и его спросил, не видал ли он Эга.

— Пробежал мимо вот только что. — Глендон скормил кобыле морковку. — Как вам моя новая лошадка? Лорд Костейн прислал за нее выкуп, но я не взял. Оставляю ее себе.

— Его светлость будет недоволен.

— Он сказал, что я не вправе носить огненный шар на щите — липа, мол, мне больше подходит. Пусть катится в пекло.

Дунк не сдержал улыбки. Сам наслушавшись таких подковырок от господ вроде Пламенного Принца и сира Стеффона Фоссовея, он чувствовал родство с обидчивым молодым рыцарем. «*Моя мать скорее всего тоже шлюхой была*».

— Сколько всего у вас трофейных коней?

— Да я уж со счета сбился. Мортимер Боггс пока еще в должниках ходит — он сказал, что лучше съест свою лошадь, чем позволит ублюдку шлюхи ездить на ней. А доспехи долго бил молотом и понаделал в них дыр — ну, авось за железо тоже что-нибудь выручу. — Глендон казался скорее грустным, чем рассерженным. — Около того... около той гостиницы, где я рос, есть конюшня. Я там работал мальчишкой и втихую катался на всех лошадях, пока их хозяев не было. Каких только не перепробовал: и старых кляч, и верховых, и охотничьих, и рабочих, и боевых — даже дорнийский скакун попался однажды. Знакомый старик научил меня делать копья. Я думал доказать им на деле, кто я таков, но они не желают признавать, что я сын своего отца, даже теперь. Попросту не желают.

— Некоторые никогда не признают этого, что бы вы ни делали. Но не все такие, я встречал и хороших людей. — Он задумался на мгновение. — Сразу после турнира мы с Эгом отправляемся на север, чтобы поступить в Винтерфелл на службу и сражаться вместе со Старками против железных людей. Едем с нами, если хотите. — Сир Арлан всегда говорил, что Север — особый мир, и о Грошовой Дженни и Липовом Рыцаре там едва ли кому-то известно. *«Там над Глендоном не станут смеяться и судить о нем будут лишь по его воинской доблести».*

— С чего это? — подозрительно спросил Глендон. — Советуете мне спрятаться где-нибудь?

— Я просто подумал, что два меча лучше, чем один. На дорогах нынче небезопасно.

— Это верно, — нехотя согласился юноша, — но моего отца когда-то обещали принять в Королевскую гвардию. Я намерен получить белый плащ, который так и не достался ему.

«У тебя такие же шансы носить белый плащ, как и у меня, — чуть было не ляпнул Дунк. — Ты родился от лагерной шлюхи, а я вылез из канавы на Блошином Дне. Королевские почести таким, как мы, не достаются». Но парень не сможет принять суровую правду. Вместо этого он сказал:

— Да придаст Воин сил вашей руке.

— Пойдите, сир Дункан, — тут же окликнул его сир Глендон. — Я... сожалею о своей резкости. Мать говорила мне, что рыцарь всегда должен быть вежлив. Когда я победил сегодня в последний раз, ко мне подошел лорд Пик. — Юноша подбирал слова. — Он предложил мне место в Звездной Вершине. Сказал, что близится буря, которой Вестерос не видел целое поколение и ему понадобятся мечи — преданные воины, умеющие повиноваться.

Дунк ушам своим не поверил. Лорд Гормен как на дороге, так и на башне не скрывал своего презрения к межевым рыцарям — и вдруг такое щедрое предложение.

— Пик, конечно, знатный лорд, — осторожно ответил Дунк, — но я бы не стал ему доверять.

— Вы правы, — покраснел Глендон. — Он назначил свою цену. Лорд Пик примет меня на службу, лишь когда я докажу свою преданность. Он, мол, устроит так, чтобы я оказался в паре с его приятелем Скрипачом, а я должен поклясться, что проиграю.

Дунка это почему-то не удивило.

— А вы что ответили?

— Что не смогу проиграть Скрипачу, даже если буду стараться. Что побеждал сегодня бойцов, которые несравненно лучше его, и что драконье яйцо будет моим еще до исхода дня. — Болл слабо улыбнулся. — Он рассчитывал на другой ответ, обозвал меня дураком и посоветовал быть начеку. У Скрипача друзей много, сказал он, а у меня ни одного нет.

Дунк положил руку ему на плечо.

— Один точно есть, сир, а найду Эга, так будет двое.

Юноша кивнул, глядя ему в глаза.

— Отрадно знать, что истинные рыцари еще не перевелись на свете.

Разыскивая Эга в толпе зрителей на турнире, Дунк впервые рассмотрел вблизи сира Томмарда Хеддла. Зять лорда Батервелла, крепко сбитый, с выпуклой грудью, выехал на бой в вареной коже под черным панцирем, покрытый шлемом в виде демона с оскаленной пастью. Его чудовищный конь, одетый в кольчугу, был на три ладони выше Грома, на два стоуна тяжелее и двигаться мог только рысью, что не помешало Хеддлу быстро расправиться с сиром Кларенсом Чарльтоном. Когда того унесли на носилках, Хеддл снял шлем, обнажив лысину, черную бородищу лопатой и множество красных чирьев на лице и шее.

Дунк узнал его: именно этот рыцарь обругал его в спальне за драконье яйцо, и он же говорил с лордом Пиком.

Обрывки фраз резко всплыли в его памяти. *«...нищенский пир, право слово... мальчишка в самом деле сын своего отца... Жгучий Клинок... нам нужен воин... Старый Молочник думал... мальчишка в самом деле сын свое-*

го отца... смею вас заверить, Кроворон не дремлет... мальчишка в самом деле сын своего отца?»

Дунк обвел взглядом сиденья — вдруг Эг занял свое законное место среди вельмож? Нет, и там его не было. Батервелл с Фреем тоже отсутствовали, хотя скучающая леди Батервелл восседала где полагается. *«Весьма странно...»* — подумал Дунк. Батервелл — хозяин замка, это его свадьба, а Фрей — отец невесты. Турнир устроили в их честь, но куда они подевались?

— Сир Утор Андерлиф! — объявил герольд. Солнце скрылось за тучей, и на Дунка упала тень. — Сир Теомор из дома Бульверов, Старый Бык, рыцарь из Черной Короны! Проявите свою доблесть!

Старый Бык навевал страх в кроваво-красных доспехах, с черными бычьими рогами на шлеме. На коня он взгромоздился только с помощью дюжего оруженосца и все время вертел головой — правду, видать, молвил сир Мейнард насчет его глаза, — однако народ приветствовал его громкими криками.

Улитке такой чести не оказали, и ему это, разумеется, было лишь на руку. При первом столкновении рыцари нанесли два скользких удара, при втором Старый Бык сломал копье о щит сира Утора, а тот промахнулся. То же самое случилось и в третий раз, причем Улитка пошатнулся в седле. *«Он хитрит, — понял Дунк. — Сир Утор изображает сражение, чтобы повысить ставки против себя»*. А Уилл тем временем принимал их от будущих должников, как заметил Дунк. Только теперь до него дошло, что ему надо было самому поставить пару монет на Улитку. *«Дунк-чурбан, темный как погреб»*.

Старый Бык рухнул на пятом заходе: наконечник Утора, отскочив от щита, угодил ему в грудь. Одна нога Теомора застряла в стремях, и конь проволок всадника футов сорок, пока люди Бульвера не схватили его под уздцы. Несчастливого рыцаря унесли к мастеру под редкими каплями начинающегося дождя. Дунка это мало трогало — он думал об Эге. *«Что, если мальчика схватил мой тайный враг? — Это звучало не ме-*

нее правдоподобно, чем все остальное. — *Всякое ведь бывает, но Эг ни в чем не повинен и не должен из-за меня пострадать».*

* * *

Сир Джон Скрипач облачался для следующего боя. Целых три оруженосца суетились вокруг него; лорд Алин Кокшо, надутый и весь в синяках, сидел тут же и пил разбавленное вино. При виде Дунка он поперхнулся.

— Каким это чудом вы поднялись? Улитка же вас саданул прямо в лоб.

— Железный Пейт выковал мне шлем на совесть, милор. Да и голова у меня чугунная, как говаривал старый сир Арлан.

— Не слушайте Алина, — засмеялся Скрипач. — Бастард Огненного Шара скинул его с коня — плюхнувшись на свой пухлый зад, он возненавидел всех межевых рыцарей.

— Прыщавый ублюдок не сын Квентина Болла, — заявил лорд. — Его не следовало допускать к состязаниям. Будь это моя свадьба, я велел бы дать ему плетей за самозванство.

— Да кто за тебя пойдет? Даже самозванство предпочтительней твоего нытья. Галтри Зеленый вам случайно не друг, сир Дункан? Мне вскоре придется ссадить его.

Дунк не сомневался, что именно так все и будет.

— Нет, милор, я его вовсе не знаю.

— Не хотите ли вина, хлеба, оливок?

— Только два слова с вами, милор.

— Да хоть три. Пойдемте в мой шатер. — Скрипач придержал для Дунка полотнище. — Нет, Алин, останься тут. На оливки тебе, если честно, лучше так не налегать. — Они вошли, и Скрипач сказал: — Я знал, что вы останетесь живы — мои сны не лгут. Скоро я сам сойду с Улиткой в бою; победив его, я потребую назад ваше оружие и доспехи. Коня тоже, хотя вы заслуживаете лучшего скакуна. Примете его от меня в подарок?

— Н-нет... не могу. — Дунку сделалось неловко. — Не хотелось бы показаться неблагодарным, но...

— Не бойтесь стать моим должником. Серебра я с вас не спрошу, мне нужна единственно ваша дружба — и как же мой рыцарь будет мне служить без коня? — Сир Джон, натянув стальные перчатки, согнул и разогнул пальцы.

— Мой оруженосец пропал.

— Может быть, сбежал с какой-то девчонкой?

— Молод он еще для девчонок, милор, и ни за что бы не покинул меня без спросу. Умри я, он сидел бы над моим хладным трупом. Лошадь его на месте, мул тоже.

— Хотите, я прикажу моим людям его поискать?

«Моим людям». Дунку не понравились эти слова. «*Это турнир изменников*», — подумал он.

— Вы не межевой рыцарь.

— Нет, — с мальчишеским озорством улыбнулся Скрипач. — Вы ведь сразу это поняли, еще на дороге. Милордом меня назвали... а почему?

— По вашему виду, по разговору, по поведению. — «*Дунк-чурбан, темный как погреб*». — Ночью на башне вы сказали кое-что...

— Вино делает меня болтуном, но вы можете верить каждому слову. Мы с вами связаны накрепко: мои сны не лгут.

— Зато вы сами лжете. Ваше настоящее имя не Джон, так ведь?

— Так, — весело подтвердил Скрипач, и Дунк вдруг заметил, что глаза у него такие же, как у Эга.

— Настоящее имя будет весьма скоро открыто тем, кому положено его знать, — угрюмо бросил Гормен Пик, стремительно входя в шатер. — Предупреждаю, межевой рыцарь...

— Да полно, Горми, — сказал Скрипач. — Сир Дункан наш или будет нашим — говорю же тебе, он мне снился. — Неподалеку пропела труба. — Это меня зовут... прошу извинить, сир Дункан. Договорим, как разделюсь с сиром Галтри Зеленым.

— Сил вашей руке, — пожелал Дунк, как того требовала учтивость.

— Его сны нас всех в гроб вгонят, — сказал лорд Гормен, когда Скрипач вышел.

— Дорого ли вам достался сир Галтри? — неожиданно для себя спросил Дунк. — Хватило серебра, или пришлось добавить золотом?

— Кто-то проболтался, я вижу. — Пик сел на походный стул. — У меня снаружи дюжина человек — не кликнуть ли их, чтобы вам перерезали глотку, сир?

— Что ж не кликнете?

— Его милость дурно к этому отнесется.

Его милость... Дунка словно в живот двинули кулаком. *«Еще один черный дракон, еще одно Восстание Черного Пламени, а там и до нового Краснотравного поля недалеко. Когда солнце взошло, трава была еще зеленой, не красной...»*

— Почему выбрали именно эту свадьбу?

— Лорд Батервелл хотел новую жену, а лорду Фрею дочку подпортили. Хороший предлог, чтобы собрать других лордов-единомышленников. Большинство приглашенных сражались за Черное Пламя, остальные чем-нибудь да недовольны — в основном Кровороном. наших детей когда-то забрали в Королевскую Гавань, чтобы держать нас в повиновении, но почти все заложники умерли по весне. Руки у нас развязаны, и время пришло. Эйрис слаб: он книжник, не воин. Народ плохо его знает и не слишком любит, а лорды и того меньше. Отец его тоже был слаб, это верно, но тогда у трона имелись заступники: Бейлор и Мейкар, молот и наковальня. Теперь Бейлора нет, а Мейкар засел у себя в Летнем замке в обиде на короля и его десницу.

«Мало того: один глупый межевой рыцарь привел его любимого сына прямо во вражеский стан. Что еще нужно, чтобы принц так и остался в Летнем замке?»

— Есть еще Кроворон, — сказал Дунк. — Он-то не слаб.

— Верно, — согласился лорд Пик, — но колдуны у простого народа всегда не в чести, а проливающий родную кровь проклят в глазах богов и людей. При первом же поражении его войско растает, как летний снег. А если сон принца сбудется и здесь, в Белостенье, вылупится дракон...

— ...то трон будет ваш, — договорил Дунк.

— Его, — поправил лорд Гормен и встал. — Я лишь смиренный слуга. Смотрите же, сир, не пытайтесь покинуть замок. Я сочту это предательством, и вы поплатитесь жизнью. Мы слишком далеко зашли, чтобы идти на попятный.

* * *

Под дождем, полившим теперь всерьез, Джон Скрипач и Галтри Зеленый вооружились свежими копьями. Некоторые из свадебных гостей, накрывшись плащами, устремились к замку.

Одно понищее зеленое перо украшало шлем сира Галтри, другое — кринет его белого скакуна. Плащ его был сшит из лоскутов разных зеленых оттенков, наручи и перчатки сверкали золотой инкрустацией, на бледно-зеленом щите вытеснены пять нефритовых звезд. Даже бороду он выкрасил в зеленый цвет на манер тирошийцев, живущих за Узким морем.

Девять раз они сходились в поединке с копьями наперевес, рыцарь зеленых лоскутов и лорд золотых мечей и скрипок, и все девять раз их копыта ломались. К восьмому разу земля стала раскисать, и из-под копыт боевых коней полетела грязь. На девятый раз Скрипач едва не упал из седла, но удержался.

— Славный удар, — смеясь, крикнул он. — Вы чуть было не спешили меня, сир.

— Дайте срок, — выкрикнул зеленый рыцарь сквозь дождь.

— Э, нет. — Скрипач отбросил сломанное копьё, и оруженосец подал ему новое.

Десятый раз стал последним. Копье сира Галтри скользнуло по щиту Скрипача, тогда как копье сира Джона ударило зеленого рыцаря в грудь и вышибло из седла в бурую жижу. Далеко на востоке сверкнула молния. Сиденья быстро пустели — знать спешила укрыться от ливня, простой люд не отставал от них.

— Вон как бегут, — пробормотал Алин Кокшо, внезапно возникший рядом с Дунком. — Это от простого-то дождика — что же будет, когда разразится настоящая буря?

«Настоящая буря... — Дунк понимал, что речь тут не о погоде. — Чего ему надо, этому лордику — решил вдруг подружиться с межевым рыцарем?»

Герольд в очередной раз взобрался на свой помост.

— Сир Томмард Хеддл, рыцарь из Белостенья, на службе у лорда Батервелла! — объявил он под далекие раскаты грома. — Сир Утор Андерлиф! Проявите свою доблесть!

Улитка, как успел заметить Дунк, улыбался сейчас довольно кисло. *«Не за этого противника он платил».* Распорядитель его подвел... почему, вот вопрос. *«Вмешался, видно, кое-кто поважнее Утора Андерлифа. Они не знают, что Улитка не стремится стать победителем, — сообразил Дунк, — вот и выставили против него Черного Тома, чтобы Скрипачу дороге расчистить».* Хеддл тоже в числе заговорщиков: он поддастся, когда будет надо, и останется только...

Но внезапно лорд Пик промчался через мокрое поле и взбежал на помост герольда.

— Нас предали! — закричал он. — В замок проник шпион Кроворона: драконье яйцо похищено!

— Мое драконье яйцо? — Джон Скрипач повернул коня. — Как же так? Спальню лорда Батервелла охраняют денно и ночью!

— Часовые убиты, — ответил Пик, — но один из них перед смертью назвал убийцу.

«Уж не меня ли он собирается обвинить?» — удивленно подумал Дунк. Человек десять видели, как он брал в руки драконье яйцо, доставив леди Батервелл на брачное ложе.

— Вон он стоит, шлюхин сын. — Палец лорда Пика обвиняюще указал вниз. — Хватайте его!

Глендон Болл на дальнем конце поля не сразу понял, что происходит, когда на него бросились со всех сторон. Первый из добравшихся захватил его горло в кольцо локтя; Глендон, не успевший еще вытащить меч, выказал недюжинную прыть и сумел вырваться, но двое других надели на него и повалили в грязь. Остальные столпились вокруг, кричали и пинали его ногами. «На его месте мог быть я», — осознал Дунк. На него нахлынуло чувство беспомощности — как в тот день в Эшфорде, когда он узнал, что лишится руки и ступни.

— Не суйтесь туда, если хотите найти своего оруженосца, — сказал Алин Кокшо, оттаскивая его.

— Что вы хотите этим сказать? — воззрился на него Дунк.

— Возможно, я знаю, где он.

— И где же? — Дунку было не до игр.

Двое латников в кольчугах и полушлемах грубо вздернули Глендона на ноги. Он был весь в грязи, по лицу струилась кровь и дождевая вода. «Кровь героя...»

— Где яйцо? — спросил Черный Том, спешившись перед пленником.

— Зачем мне было его воровать? — Кровь струилась изо рта Болла. — Оно бы и так досталось мне.

«Вот это их как раз и не устраивало», — подумал Дунк.

Черный Том ударил Глендона по лицу рукой в кольчужной перчатке, а лорд Пик приказал:

— Обыщите его поклажу — ручаюсь, что яйцо спрятано там.

— Он не зря ручается, — тихо сказал лорд Алин. — Пойдемте со мной, если хотите найти оруженосца. Лучше сейчас, пока все заняты.

— Если вы что-то сделали с Эгом... — пригрозил, догнав его, Дунк.

— Мальчишки не в моем вкусе. За мной, живо.

Дунк следовал за ним, ступая по лужам: через арку, вниз по грязным ступеням, за угол. Они держались ближе к стенам и наконец очутились в закрытом дворике с гладкой и скользкой брусчаткой. Со всех сторон их окружали здания, окна над ними были закрыты ставнями, посередине стоял колодец.

Это уединенное место Дунку очень не нравилось. По привычке он потянулся за мечом, но вспомнил, что отдал его Улитке — и тут же почувствовал, что ему к пояснице приставили нож.

— Не вздумайте оборачиваться, иначе я вырежу вам почку и велю поварам Батервелла зажарить ее к ужину. — Острие прошло сквозь безрукавку и уперлось в кожу. — К колодцу, сир, и без резких движений.

«Если Кокшо бросил Эга в колодец, этот игрушечный ножик ему не поможет». Дунк с нарастающим гневом пошел вперед, и лорд Алин убрал нож.

— Можете теперь обернуться, межевой рыцарь.

— Это все из-за драконьего яйца, милорд? — спросил Дунк, оборачиваясь.

— Нет. Из-за дракона. Думали, я вам так и позволю его украсть? — Сир Алин поморщился. — На Улитку я, правда, зря положился: придется ему вернуть мне все золото до последней монетки.

«Кокшо?! Неужели этот рыхлый надушенный лордик и есть мой тайный враг?» Дунк не знал, смеяться ему или плакать.

— Сир Утор это золото заслужил — просто у меня голова очень крепкая.

— Похоже на то. Шагайте назад.

Дунк послушался.

— Еще. Еще.

Через пару шагов Дунк уперся спиной в колодец.

— Сядьте на обод. Надеюсь, купанье вас не пугает? Вы и так уже мокрый насквозь.

— Я не умею плавать. — Один из камней подался под рукой Дунка.

— Экая жалость. Сами прыгнете или помочь?

Дунк глянул вниз. Вода, в добрых двадцати футах под ним, рябила от дождевых капель, на стенках зеленели склизкие водоросли.

— За что? Я вам никакого вреда не делал.

— И впредь не сделаете. Деймон мой, и это я буду командовать его Королевской гвардией. Вы недостойны носить белый плащ.

— Я и не говорил, что достоин. — *«Деймон!»* — Имя отозвалось в голове Дунка. — *«Не Джон, а Деймон, как его отец. Дунк-чурбан, темный как погреб».* — От Деймона Черное Пламя родились семеро сыновей. Двое, близнецы, полегли на Краснотравном поле...

— Эйгон и Эймон, безмозглые быки вроде вас. Мучили нас с Деймоном, когда мы были маленькими. Я плакал, когда Жгучий Клинок увез его вместе с собой в изгнание, и прослезился снова, узнав от лорда Пика о его возвращении. Но он позабыл обо мне, увидев вас на дороге! — Кокшо взмахнул кинжалом. — Как предпочитаете искупаться — целым или с прорехой?

Дунк схватился за камень, но тот сидел прочнее, чем казалось, и не подавался. Лорд Алин, тем временем, уже метнулся вперед. Дунк уклонился, отделавшись глубоким порезом на левой руке, вырвал камень из гнезда и попотчевал его светлостью так, что зубы посыпались.

— Прыгать, значит? — Дунк ударил Кокшо в лицо еще раз и вывернул ему руку, сломав запястье и заставив бросить кинжал. — Нет, милор, после вас. — От его пинка лорд Алин нырнул в колодец вниз головой. П слышался громкий плеск.

— Неплохо, сир.

Дунк обернулся. Сквозь ливень он видел только фигуру в плаще с капюшоном, с единственным белым глазом. Лишь когда этот человек подошел ближе, лицо приобрело знакомые черты сира Мейнарда Пламма, а белый глаз оказался лунным камнем в пряжке у него на плаще.

Лорд Алин плескался в колодце с криками:

— Убивают! На помощь!

— Он сам пытался меня убить, — пояснил Дунк.

— То-то я смотрю, крови много.

— Крови? — Посмотрев вниз, он заметил, что левая рука покраснела от плеча до локтя, а рубаха прилепилась к коже. — Ну да. — Внезапно он очутился лежащим на земле, хотя не помнил, как падал. Дождь хлестал по лицу, из колодца слышались стоны лорда Алина, но бултыхания стали слабее.

— Вас перевязать надо. — Сир Мейнард обхватил Дунка рукой. — Вставайте, одному мне вас не поднять.

Дунк кое-как встал.

— Утонет ведь он, лорд Алин.

— Никто о нем плакать не станет, а Скрипач и подавно.

— Никакой он не скрипач, — выдохнул Дунк, морщась от боли.

— Верно. Он Деймон Второй из дома Черного Пламени. То есть будет так называться, коли на Железный трон сядет. Вы удивитесь, но очень многие лорды хотят, чтобы король у них был храбрый да безмозглый. Этот им в самый раз: молод, красив и в седле сидит как влитой.

Лорд в колодце почти затих.

— Может, бросим веревку его светлости?

— Хотите спасти его для казни? Нет уж, пусть пожинает то, что вам уготовил. Обопритесь на меня. — Пламм повел Дунка через двор. Вблизи Дунк заметил в нем нечто странное: чем пристальнее он вглядывался в лицо сира Мейнарда, тем больше расплывались его черты — Я ведь уговаривал вас бежать, но где там! Честь нам дороже жизни. Погибнуть с честью — дело хорошее, но что, если речь идет не о вашей жизни, а о чьей-то еще? Что вы на это скажете?

Из колодца донесся последний всплеск.

— Вы про Эга? — Дунк схватил Пламма за руку. — Где он?!

— Вместе с богами — и вы наверняка знаете почему.

Боль, скрутившая нутро Дунка, заставила его позабыть о руке.

— Мальчонка залез в свой сапог, — простонал он.

— Видимо, так. Он показал перстень мейстеру Лотару, а тот — лорду Батервеллу. Его светлость, конечно же, штаны намочил и стал сомневаться, ту ли сторону принял. А также задался вопросом, что известно Кроворону об их заговоре. Я бы ответил на это: многое, — хмыкнул Пламм.

— Кто же вы?

— Друг, который следил за вами и гадал, что привело вас в это гадючье гнездо. Теперь помолчите: надо вашей раной заняться.

Держась в тени стен, они пробрались в маленькую палатку Дунка. Сир Мейнард развел огонь и поставил на него котелок с вином.

— Рана чистая и кость вроде бы не задета, — сказал он, распоров окровавленный рукав Дунка. — Однако лучше ее промыть: рука хоть и левая, а потерять ее жалко.

— Мне все равно. — От горя и боли Дунку казалось, что его сейчас вырвет. — Если Эг умер...

— ...то винить нужно вас. Ни к чему было тащить его в этот замок. Но я не говорил, что он умер: я сказал, что он вместе с богами. Есть у вас чистое полотно или шелк?

— Разве что туника, которую я купил в Дорне. Что значит «вместе с богами»?

— Об этом позже. Сначала рука.

Над вином уже поднимался пар. Сир Мейнард отыскал нарядную тунику, понюхал ее и начал кромсать кинжалом. Дунк смолчал.

— Амброз Батервелл никогда не был человеком решительным. — Пламм свернул три шелковых лоскута и обмакнул их в вино. — Этот заговор с самого начала вызывал у него сомнения, особенно когда он узнал, что меча у юноши нет. А вместе с пропавшим драконьим яйцом он лишился последних крох своего мужества.

— Сир Глендон не крал яйца, — возразил Дунк. — Он весь день провел во дворе — сражался сам и смотрел, как другие сражаются.

— Пик все равно отыщет яйцо в одной из его седельных сумок. — Вино закипело. — Постарайтесь удержаться от крика. — Пламм натянул кожаную перчатку, извлек из котелка лоскут и стал промывать рану.

Дунк скрипел зубами, кусал язык и бил себя кулаком по бедру, но не издал ни звука. Остатки туники сир Мейнард использовал для перевязки.

— Как вы? — спросил он, когда закончил.

— Ужасно, — поморщился Дунк. — Так где же Эг?

— Я же сказал: с богами.

Дунк захватил здоровой рукой шею Пламма.

— Выражайтесь яснее. Намеки мне опостытели. Говорите, где искать мальчика, не то я вам шею сверну, друг вы мне или недруг.

— Он в септе — это достаточно ясно, Дунк? — улыбнулся сир Мейнард. — Без оружия, однако, туда идти не стоит.

Первым делом Дунк зашел в шатер сира Утора. Оруженосец Уилл стирал в лохани хозяйское белье.

— Опять вы? Сир Утор на пиру. Чего вам?

— Мой меч. И щит.

— Никак выкуп принесли?

— Нет.

— Так с какой стати их вам отдавать?

— Я в них нуждаюсь.

— А мне-то что!

— Попробуешь помешать мне — убью.

— Они вон там лежат, — показал Уилл.

* * *

Дойдя до септы, Дунк остановился. *«Боги, надеюсь, я не опоздал»*. Меч привычно тяжелил пояс, раненая рука, которую оттягивал щит с висельником, отзывалась болью на каждом шагу. Дунк боялся, что закричит,

если кто-то ее заденет. Он толкнул дверь здоровой рукой и шагнул внутрь.

В замковой септе было тихо и сумрачно, только свечи мерцали у алтарей Семерых. Больше всего свечей, как и следовало ожидать во время турнира, поставили Воину; перед темным алтарем Неведомого горела одна-единственная. Отцу и Матери досталось по дюжине, Кузнецу и Деве чуть меньше. Под яркой лампадой Старицы безмолвно молился о ниспослании мудрости лорд Амброз Батервелл.

Он был здесь не один: навстречу Дунку выступили два латника с суровыми лицами под полушлемами. Оба были облачены в кольчугу и сюрко дома Батервеллов.

— Ни шагу дальше, сир, — молвил один. — Нечего вам тут делать.

— Есть что! Говорил же я, что он непременно меня отыщет. — Из мрака рядом с Отцом вышел Эг, блестя бритой головой при свечах. Дунк чуть не кинулся обнимать его, но что-то в голосе Эга заставило его сдержаться. *«Похоже, он разгневан, а не испуган. Таким суровым я прежде ни разу его не видел. А тут еще Батервелл на коленях. Что-то здесь не так...»*

Лорд поднялся. Бледное в тусклом свете лицо, блестело от пота.

— Пропустите его, — приказал он стражникам и сделал Дунку знак подойти. — Мальчику не причинили никакого вреда. Я хорошо знал его отца, когда был десницей. Да будет принцу Мейкару известно, что все это задумал не я.

— Он узнает об этом, — пообещал Дунк. *«Да что тут происходит?»*

— Это все Пик, клянусь Семерыми. — Лорд возложил руку на алтарь. — Да поразят меня боги, если я лгу. Он говорил мне, кого приглашать, кого нет, и привез сюда этого юного претендента. Я не хотел становиться изменником, верьте мне — но Том Хеддл, мой тесть, настоял. Хоть он и муж моей старшей дочери, но я не собираюсь скрывать, что он был во всем этом замешан.

— Он ваш заступник, — вставил Эг. — Если он состоит в заговоре, то и вы тоже.

«*Да тихо ты, — хотелось заорать Дунку, — твой язык нас погубит!*» Но лорд Батервелл воспринял это как должное.

— Все не так просто, милорд. Хеддл командует моим гарнизоном.

— Но должны же у вас остаться преданные короне воины, — сказал Эг.

— Да. Эти двое и еще несколько. Я был неосмотрителен, признаю, но никогда не изменял трону. Ставленник Пика с самого начала вызывал у нас с Фреем большие сомнения. *Он не носит меча!* Будь он вправду сын Деймона, Жгучий Клинок уж верно отдал бы Черное Пламя ему. А все эти разговоры о драконе — чистой воды безумие. — Его светлость отер лицо рукавом. — Теперь вот пропало яйцо, полученное моим дедом от короля за верную службу. Утром, как я проснулся, оно было на месте, и часовые клянутся, что в спальню с тех пор никто не входил. Пик, конечно, мог подкупить их, но где яйцо? Либо оно у них, либо...

«*Либо дракон все же вылупился*», — мысленно договорил Дунк. Если в Вестеросе вновь объявится живой дракон, и знать и простой народ валом повалят к владеющему им принцу.

— Могу я поговорить со своим... оруженосцем, милорд?

— Как вам будет угодно, сир. — Батервелл снова стал на молитву, а Дунк отвел Эга в сторону и опустился на одно колено, чтобы видеть его лицо.

— Я вот тебе так двину по уху, что глаза на затылок съедут до конца жизни.

— Следовало бы, сир. — У Эга все же достало совести, чтобы покаяться. — Простите меня. Я хотел только послать отцу ворона.

«*Чтобы я мог остаться рыцарем. Намерения у мальчика были благие*».

— А с ним ты что сделал? — спросил Дунк, покосившись на Батервелла.

— Напугал его, сир.

— Да уж вижу. Скоро он себе колени до крови сотрет.

— А что было делать? Мейстер, увидев отцовский перстень, сразу привел меня к ним.

— К ним?

— К лордам Батервеллу и Фрею. Стражники тоже там были — все всполошились из-за пропажи яйца.

— Ты его, надеюсь, не брал?

— Нет, сир, — замотал головой Эг. — Мейстер показал перстень лорду Батервеллу, и я понял, что дела мои плохи. Хотел сказать, что украл его, но лорд бы мне не поверил. Тут мне вспомнилось, как отец повторял слова Кроворона — чем самому, мол, пугаться, лучше пугай других. Я и сказал, что отец прислал нас шпионить, а сам идет сюда с войском. Отпустите-де меня, ваша светлость, и расстаньтесь с изменниками, если желаете сохранить голову на плечах. Сам не ожидал, что это так на него подействует, — сказал Эг с застенчивой улыбкой.

Дунку захотелось крепко встряхнуть мальчишку, чтоб зубы задребезжали. *«Нашел чем играть! Так и жизни лишиться недолго».*

— Лорд Фрей тоже это слышал?

— Ну да. Пожелал лорду Батервеллу счастья в браке и объявил, что возвращается к себе в Близнецы. Тут-то его светлость и привел нас сюда — помолиться.

«Фрею-то хорошо, а Батервеллу куда бежать? Скоро он, впрочем, начнет удивляться, почему это принца Мейкара с войском до сих пор нет».

— Если бы Пик узнал, что ты в замке...

Двери септы с грохотом распахнулись, и ворвался Том Хеддл в кольчуге и панцире. Вода струилась на пол с его плаща, позади толпились человек десять латников с топорами и копьями. Сверкнувшая в небе молния бросила тени на каменный пол, ветер взметнул огоньки свечей.

«Седьмое некло!» — только и успело пронестись в голове Дунка, прежде чем Хеддл приказал:

— Вот он, мальчишка. Берите его.

— Стойте. — Батервелл встал с колен. — Не смейте его трогать. Что это значит, Томмард?

— Не у всех нас молоко в жилах, ваша светлость, — презрительно бросил Хеддл. — Я забираю мальчика.

— Ты ничего не знаешь, — тонким голосом вскричал Батервелл. — Мы разоблачены. Фрей бежал, за ним последуют остальные. Принц Мейкар идет сюда с войском.

— Тем больше причин взять его сына в заложники.

— Нет! Я не желаю больше сражаться за лорда Пика с его самозванцем.

— Трус, — плюнул Хеддл. — Не будешь сражаться — умрешь, милорд. Эй, оленя за первую кровь, — объявил он, указывая на Эга.

— Остановите их, слышите? — крикнул Батервелл своим стражникам. — Я вам приказываю! — Солдаты с той и другой стороны медлили, не зная, кого им слушать.

— Придется самому, видимо. — Черный Том обнажил свой длинный меч, Дунк сделал то же самое.

— Держись позади меня, Эг.

— Сложите оба оружие! — завизжал лорд. — Я не допущу кровопролития в септе! Этот человек — присяжный щит принца, сир Томмард! Он вас убьет!

— Разве что упав на меня, — оскалился Хеддл. — Я видел его на турнире.

— Мечом я владею лучше, — предупредил Дунк. Хеддл хмыкнул и ринулся в наступление.

Дунк резко отпихнул Эга назад и развернулся, чтобы парировать. Он ловко принял первый выпад на щит, но отдача от столкновения прошила болью его перевязанную руку. Ответный выпад он направил в голову Хеддла, но тот увернулся и снова взмахнул мечом — Дунк едва успел щит подставить. Хеддл со смехом продолжал наступать, нанося удары снизу, сверху и опять снизу. Сосновые щепки разлетались во все стороны, боль становилась невыносимой, и Дунк невольно отступал.

— Бейте его, сир, — кричал Эг. — Вот же он, бейте!

Рана Дунка открылась, рот наполнился кровью, голова закружилась. Черный Том разносил вдребезги его большой щит. *«Дуб и железо, храните меня от смерти и адова огня...»* — подумал было Дунк, но вспомнил, что этот щит сделан из сосны, а не из дуба. Упершись спиной в алтарь, Дунк припал на одно колено и понял, что отступить больше некуда.

— Никакой ты не рыцарь, — сказал Черный Том. — Ты плачешь, что ли, дубина?

«Плачу от боли». Дунк рывком поднялся с колена и двинул врага щитом.

Черный Том отшатнулся, но все же устоял на ногах. Дунк продолжал дубасить его щитом снова и снова. Пользуясь ростом и силой, Дунк оттеснил Хеддла на середину септы, убрал щит и рубанул мечом. Сталь прошла сквозь мышцы прямиком в бедренную кость, и Хеддл завопил от боли. В порыве ярости он замахнулся мечом, но удар вышел неуклюжим. Дунк отбил щитом еще раз, затем вложил всю свою силу в ответный удар.

Черный Том с ужасом проводил взглядом свое предплечье, упавшее на пол перед алтарем Неведомого.

— Ты, — прохрипел он, — ты...

— Я же говорил: мечом я владею лучше. — И Дунк пронзил ему горло.

* * *

Двое солдат Хеддла убежали, едва увидев лужу крови, растекающуюся вокруг их командира. Остальные же с копьями в руках бросали настороженные взгляды на Дунка и нерешительно топтались, ожидая, что скажет их лорд.

— Злое это дело, — наконец выговорил Батервелл и обернулся к Дунку и Эгу. — Надо уходить, пока эти двое не доложили обо всем Гормену Пику, сир Дункан. У него здесь друзей больше, чем у меня. В северной стене черный ход, через него и скроемся... скорее, надо спешить.

— Эг, ступай с лордом Батервеллом. — Дунк вдвинул меч в ножны, приобнял Эга и добавил, понизив голос: — Отделайся от него при первой возможности, пока он опять не переметнулся. И поезжай в Девичий Пруд — это ближе, чем Королевская Гавань.

— А вы как же, сир?

— Не твоя печаль.

— Я ваш оруженосец.

— Вот и делай, что говорю, не то в ухо дам.

* * *

Гости выходили из Большого зала, накрывая головы капюшонами от дождя. Старый Бык и щуплый лорд Касвелл, опять под хмельком, отошли от Дунка подальше, сир Мортимер Боггс посмотрел на него с любопытством, но промолчал. Утор Андерлиф был посмелее.

— Пир окончен, вы опоздали, — сказал он, натягивая перчатки. — Вижу, меч снова при вас?

— Я заплачу вам выкуп, не беспокойтесь. — Изрубленный щит Дунк бросил у септы и держал левую руку под плащом, пряча кровь. — А если буду убит, можете обобрать мой труп.

— Благородство и глупость порой не так легко различить, — засмеялся сир Утор. — Еще не поздно принять мое предложение, сир.

— Ошибаетесь: поздно. — Дунк прошел мимо него в двери зала, не дожидаясь ответа. Внутри пахло дымом, элем и мокрой шерстью. С галереи доносилась тихая музыка. Кирби Пимм и Лукас Нейланд на верхней половине стола играли в «кто кого перепьет», лорд Пик на помосте беседовал с лордом Костейном, новая леди Батервелл одиноко сидела на высоком хозяйском месте, ниже соли заливал горе сир Кайл. Его тарелка была наполнена варевом из остатков вчерашнего пира — в харчевнях Королевской Гавани такое блюдо называлось бурой похлебкой. Сир Кайл явно не собирался это есть. Нетронутая похлебка уже остыла и подернулась жирной пленкой.

— Сир Кайл, — поприветствовал его Дунк, присев рядом.

— Сир Дункан, — кивнул Кот. — Эля хотите?

— Нет. — Эля Дунку хотелось меньше всего.

— Вам нехорошо, сир? Простите, но вид у вас...

«Не так плох, как мое самочувствие».

— Что сделали с Глендоном Боллом? — спросил он.

— В темницу бросили. — Сир Кайл покачал головой. — Не знаю... может, этот парень и выблядок, но вором он мне не показался.

— Так он и не вор.

— Рука-то... — прищурился сир Кайл. — Чем это вас угостили?

— Кинжалом. — Дунк хмуро обернулся к высокому столу. Сегодня он дважды избежал смерти. Обычному человеку этого бы хватило, но Дунку-чурбану... — Ваша милость, — окликнул он, встав. Немногочисленные едоки замолчали, отложили ложки и уставились на него. — Ваша милость, — повторил Дунк чуть громче и пошел по ковру к помосту. — Деймон!

В зале стало почти тихо. Человек, называвший себя Скрипачом, обернулся к нему с улыбкой. На пир он надел лиловую тунику. *«Чтобы подчеркнуть цвет своих глаз».*

— Сир Дункан! Рад, что вы с нами. Чего желаете?

— Правосудия для Глендона Болла.

Имя эхом отразилось от стен, и на миг все в зале будто окаменели, но тут лорд Костейн грохнул кулаком по столу.

— Смерть — вот чего он заслуживает! — Около десяти голосов поддержали его, а сир Харберт Пейдж присовокупил:

— Все бастарды воры, если не хуже: кровь сказывается.

На мгновение Дунк отчаялся. *«Я совсем один».* Но затем из-за стола, пошатываясь, встал сир Кайл.

— Может, он и бастард, но родился от Огненного Шара. Сир Харберт верно сказал: кровь всегда скажется.

— Никто не чтит Огненного Шара больше, чем я, — нахмурился Деймон, — но вряд ли сей ложный рыцарь родился от его чресл. Он украл драконье яйцо, убив при этом трех человек.

— Он не повинен ни в том, ни в другом, — настаивал Дунк. — Если трое в самом деле убиты, то это не его вина. Вашей милости не хуже меня известно, что сир Глендон сражался весь день, не покидая ристалища.

— Меня тоже это удивило, — признался Деймон, — но драконье яйцо нашли у него в поклаже.

— Вот как? Где же оно сейчас?

— В надежном месте и под охраной, — отрезал лорд Пик. — А вам что за дело, сир?

— Принесите его, — сказал Дунк. — Я хотел бы взглянуть на него, милор. Прошлой ночью я видел его только мельком.

— Ваша милость, — прищурился Пик, — мне кажется, что этот межевой рыцарь приехал в замок незванным, как и сир Глендон. И мог быть его соучастником.

— Ваша милость, — не уступал Дунк, — то драконье яйцо, что было найдено в вещах сира Глендона, подложил туда сам лорд Пик. Пусть он принесет его сюда и покажет вам: я ручаюсь, что это всего лишь разукрашенный камень.

В зале поднялся крик, рыцари начали вскакивать на ноги. Деймон казался чуть ли не таким же растерянным, как обвиненный в краже сир Глендон.

— Да вы никак пьяны, друг мой?

«Если бы», — подумал Дунк.

— Я потерял толику крови, но рассудок при мне. Сира Глендона обвинили несправедливо.

— Но зачем? — недоуменно спросил Деймон. — Если Болл, как вы утверждаете, невиновен, зачем было лорду Пику его обвинять и подменить яйцо раскрашенным камнем?

— Чтобы расчистить дорогу вам. Других рыцарей его светлость купил золотом и посулами, но Болл не пожелал продаваться.

— Неправда, — вспыхнул Скрипач.

— Правда, правда. Пошлите за сиром Глендоном, он сам вам скажет.

— Хорошо. Велите привести сюда бастарда, лорд Пик. Яйцо пусть принесут тоже, я желаю посмотреть на него.

— Бастарда сейчас допрашивают, ваша милость, — сказал Пик, с ненавистью глянув на Дунка. — Еще пара часов, и он признается во всех своих злодеяниях.

— Милор хотел сказать «пытают», — возразил Дунк. — Через пару часов он признается, что убил также отца и братьев вашей милости.

— Довольно! — побагровел Пик. — Еще одно слово, и я вам вырву язык!

— Вы лжете — вот вам целых два слова.

— Они дорого вам обойдутся, — пообещал Пик. — Схватить этого человека и заковать в цепи!

— Нет, — тихо, но грозно молвил Деймон. — Я хочу узнать правду. Сандерленд, Вирвел, Смоллвуд — возьмите своих людей и приведите сюда сира Глендона, не делая ему никакого вреда. Если кто-то будет чинить вам препятствия, скажите, что выполняете приказ короля.

— Слушаюсь, — ответил лорд Вирвел.

— Я решу это дело так, как решил бы отец. Сира Глендона обвиняют в тяжких преступлениях, но он, как рыцарь, имеет право на испытание поединком. Я встречу с ним на ристалище, и пусть боги рассудят нас.

* * *

«Геройской крови в нем поубавилось... да и шлюхиной тоже», — подумал Дунк, когда двое людей лорда Вирвела свалили к его ногам голого сира Глендона.

Парня жестоко избили. Лицо его распухло, нескольких зубов не хватало, правый глаз залит кровью, на груди остались красные растрескавшиеся следы от прижигания каленым железом.

— Теперь вы в безопасности, — тихо сказал сир Кайл. — Здесь только двое межевых рыцарей, а мы, видят боги, никому зла не делаем. — Деймон послал их обоих в комнаты мастера, велел заняться ранами сира Глендона и посмотреть, может ли он сражаться. Смывая с него кровь, Дунк увидел, что три ногтя на левой руке вырваны, ужаснулся и спросил:

— Вы копьё-то удержите?

— Копьё... — пробормотал Болл, пуская изо рта кровь и слюни. — А пальцы у меня все на месте?

— Пальцы все, а вот ногтей только семь, — ответил Дунк.

Болл кивнул.

— Черный Том хотел было отрезать мне пальцы, но его куда-то позвали. Это с ним я буду драться?

— Нет. Я убил его.

— Кому-то следовало, — улыбнулся юноша.

— Сражаться вы будете со Скрипачом, настоящее имя которого...

— Деймон, знаю. Мне сказали. Черный дракон... отец погиб за него. — Сир Глендон рассмеялся. — Я бы с радостью стал его человеком, чтобы сражаться за него, убивать за него, умереть за него, но проиграть за него я не могу. — Болл сплюнул на пол выбитый зуб. — Можно мне вина?

— Где у нас мех, сир Кайл?

Молодой рыцарь пил долго и жадно, затем вытер рот и сказал:

— Гляньте на меня... трясусь, как девчонка.

— На коне-то усидите? — нахмурился Дунк.

— Помогите мне умыться, дайте щит и копьё, и вы увидите, на что я способен.

* * *

Дождь немного унялся только к рассвету. Весь двор покрылся грязными лужами, блестящими при свете сотни факелов. За полем поднимался серый туман, обволакивая крепостные стены своими призрачными пальцами. Те гости, что еще не разъехались, заняли свои места на отсыревших сосновых скамьях; среди них в кучке домашних рыцарей и менее знатных лордов стоял лорд Гормен Пик.

Дунк, еще недавно бывший оруженосцем, не забыл прежних навыков. Он застегнул пряжки на разрозненных доспехах Болла, прикрепил шлем к вороту, помог рыцарю сесть на коня, подал щит. На сильно изрубленном дереве был еще виден огненный шар. *«На вид он не старше Эга, — подумал Дунк. — Просто напуганный и угрюмый парнишка».* Его гнедая кобыла без какой-либо брони тоже была беспокойна. *«Лучше бы он взял собственного коня. Гнедая, конечно, резвее и лучших кровей, но всадник чувствует себя уверенней на знакомом коне».*

— Теперь копьё. Боевое, — сказал сир Глендон.

Боевые копья короче и тяжелее турнирных: восемь футов крепкого ясеня со стальным острием. Дунк выбрал в стойке одно и стал смотреть, нет ли трещин на древке.

Один из оруженосцев на другом конце поля подал Деймону такое же. Он больше не притворялся скрипачом. Мечи и скрипки на попоне его коня сменил трехглавый дракон дома Черного Пламени, черный на красном поле. Принц смыл краску с волос, и они, ниспадая на ворот, сверкали кованым серебром и золотом. *«У Эга такие же волосы, если их отрастить».* Дунку трудно было представить его с длинными волосами, но когда-нибудь он их увидит... если оба они доживут до этого дня.

— Сир Глендон, бастард, — начал герольд, поднявшись на свой помост, — обвиненный в краже и смертоубийстве, выходит доказать свою невиновность. Деймон Второй из дома Черного Пламени, истинный король андалов, ройнаров и перволюдей, правитель Семи Коро-

левств и протектор государства, выходит доказать справедливость обвинений против бастарда Глендона.

Пары лет как не бывало: Дунк снова стоял на Эшфордском лугу, и Бейлор Копьелом наставлял его перед боем. Он вернул копьё обратно и взял турнирное — легкое, изящное, двенадцати футов длиной.

— Возьмите это, — сказал он Боллу. — В Эшфорде, во время испытания Семерых, мы вооружились такими.

— Но Скрипач взял боевое. Хочет меня убить.

— Сначала он должен попасть. Если ударите первым, он не коснется вас.

— Ну, не знаю...

— Зато я знаю.

Сир Глендон взял у Дунка копьё и пустил лошадь рысью.

— Да спасут Семеро нас обоих.

На востоке, на бледно-розовом небе, сверкнула молния. Деймон, вонзив в бока коня золотые шпоры, метнулся вперед, направляя на противника смертельное острие боевого копьё. Сир Глендон поднял щит и помчался навстречу, держа длинное копьё поперек головы лошади и целя в грудь молодого претендента. Грязь летела из-под копыт, факелы, казалось, вспыхнули еще ярче.

Зажмурившийся Дунк услышал треск, крик, звук падения.

— Нет, — горестно завопил лорд Пик. — Нееееет! — Дунк, пожалев его на долю мгновения, снова открыл глаза. Вороной жеребец трусил по полю без седока. Дунк перехватил его. Сир Глендон Болл на другом конце поля потрясал расщепленным копьём, люди бежали к недвижимому Скрипачу, лежащему ничком в луже. Когда его подняли, он был в грязи с головы до ног.

— Бурый дракон! — крикнул кто-то. По двору пробежал смех, и свет зари омыл Белостеньё.

Как только Дунк и сир Кайл помогли Боллу слезть с коня, где-то затрубили горн, и часовые на стенах отозвались тревожными криками. Из утреннего тумана к замку шло чье-то войско.

— Выходит, Эг не соврал, — сказал удивленный Дунк сиру Кайлу.

К Белостенью двигались знамена лорда Мутона из Девичьего Пруда, Блэквуда из Рейвентри, Дарклина из Сумеречного Дола. Из подвластных короне земель пришли Хейфорды, Росби, Стокворты, Масси, солдаты самого короля с тремя королевскими гвардейцами во главе и триста Вороньих Зубов, вооруженные длинными чардревными луками. Сама Безумная Данель Лотстон выступила из своего страшного Харренхала; черная броня облегла ее, как стальная перчатка, по плечам струились рыжие волосы.

На восходящем солнце блестели пятьсот пик и вдесятеро больше копий. Над изобилием ярких стягов реяли два королевских дракона на черном поле: красное трехглавое чудище короля Эйрису и белая бестия, выдыхающая алое пламя.

«Значит, все-таки не Мейкар», — понял Дунк. Герб принца из Летнего замка — четыре трехглавых дракона, символ четвертого сына; одинокий белый дракон указывает на десницу короля, лорда Бриндена Риверса.

В Белостенье явился сам Кроворон.

Первое Восстание Черного Пламени угасло в крови и подвигах на Краснотравном поле, второе кончилось пустой похвальбой.

— Нас не сломить, — возвестил со стены Молодой Деймон, увидев железное кольцо вокруг замка. — Дело наше правое. Мы прорубим себе дорогу сквозь их ряды и пойдем на Королевскую Гавань! Трубите, трубы!

Лорды, рыцари и латники, перешептываясь за его спиной, потихоньку уходили к конюшням, к калитке или в укромные места, где надеялись отсидеться. Когда Деймон поднял над головой меч, всем стало ясно, что это вовсе не Черное Пламя.

— Здесь будет новое Краснотравное поле, — посулил он.

— Не пошел бы ты, пиликалка, — ответил на это седовласый оруженосец. — Я хочу пожить еще малость.

В конце концов Деймон Второй выехал из замка один и вызвал на бой Кроворона.

— Я сражусь с тобой, с трусливым Эйрисом или с любым заступником, которого тебе будет угодно назвать. — Но его попросту окружили, стащили с коня и наложили на него золотые оковы, а стяг его бросили в грязь и сожгли. Дым от горящего знамени был виден на многие лиги вокруг.

Единственная кровь, пролившаяся за день, принадлежала человеку лорда Вирвела: он стал похваляться, что был одним из глаз Кроворона и скоро будет вознагражден. «К новой луне я буду валяться со шлюхами и пить дорнийское красное, — успел сказать он, и рыцарь лорда Костейна рассек ему глотку со словами: «Отведай-ка этого. Не дорнийское, зато красное».

Все остальные, кто был в замке, выходили из ворот молчаливой колонной, и стальной холм из сложенного ими оружия рос на глазах. Их связывали и уводили прочь дожидаться суда. Дунк шел с сиром Кайлом и Глендоном Боллом; сира Мейнарда они не нашли — ночью он бесследно исчез.

Ближе к вечеру королевский гвардеец сир Роланд Крейкхолл отыскивал среди пленных Дунка.

— Седьмое пекло, сир Дункан, я уже вас обыскался! Лорд Риверс давно о вас спрашивает. Прошу, следуйте за мной.

Длинный плащ Крейкхолла, развеваясь на ветру, белел как снег или лунный свет. Его вид пробудил воспоминания о разговоре на крыше. «Я видел вас во всем белом с головы до ног, в длинном белом плаще», — вспомнилось Дунку. «А еще тебе снился дракон, выходящий из каменного яйца, — хмыкнул он. — Одно столь же бессмысленно, как другое».

Шатер десницы стоял в полумиле от замка, в тени развесистого вяза. Рядом паслись коровы. «Короли и десницы приходят и уходят, а крестьяне

и коровы живут как ни в чем не бывало», — вспомнил он слова старого рыцаря.

— Что с ними сделают? — спросил Дунк сира Роланда, проходя мимо сидящих на траве пленников.

— Отведут в Королевскую Гавань на суд. Рыцари и латники отделаются довольно легко — они лишь повиновались своим сюзеренам.

— А лорды?

— Кого-то помилуют, если они чистосердечно во всем признаются и отдадут в заложники дочь или сына. Тем, кто уже получил помилование после Краснотравного поля, придется хуже: их ждет заключение и лишение прав, а зачинщики поплатятся головой.

Кроворон уже приступил к делу: на копьях у его шатра торчали головы Гормена Пика и Черного Тома Хеддла, под ними были выставлены их щиты. *«Три замка, черные на оранжевом. Человек, убивший Роджера из Пеннитри».*

Глаза лорда Гормена даже после смерти остались твердыми, как камень.

— Зачем это? — спросил часовой, когда Дунк закрыл их. — Вороны все равно выключают.

— Я ему кое-чем обязан. — Не погибни Роджер в тот день, старый рыцарь даже и не заметил бы Дунка, бегущего по улице за свиньей. *«Началось все с того, что один старый король дал меч одному сыну вместо другого... и вот я стою здесь, а бедный Роджер лежит в могиле».*

— Десница ждет, — поторопил его Роланд Крейкхолл.

Войдя в шатер лорда Бриндена Риверса, десницы, бастарда и колдуна, Дунк увидел перед собой Эга, вымытого и одетого, как подобает принцу и племяннику короля. Лорд Фрей сидел на походном стуле с чашей вина в руке и мерзким маленьким наследником на коленях. Лорд Батервелл тоже был тут — коленопреклоненный, дрожащий, бледный.

— Если изменник трус, он не перестает быть изменником, — говорил, обращаясь к нему, лорд Риверс. — Я верю едва ли одному слову из деся-

ти, проблеянных вами, лорд Амброз, и потому оставляю вам десятую долю того, чем вы владели до сего дня. Жену тоже можете оставить себе — совет да любовь.

— А Белостенье? — дрожащим голосом спросил Батервелл.

— Отойдет Железному трону. Я разрушу ваш замок до основания и присыплю солью ту землю, где он стоял. Лет через двадцать никто и не вспомнит о Белостенье. Старые дураки с молодыми бунтарями до сих пор совершают паломничества на Краснотравное поле и сажают цветы на месте гибели Деймона Черное Пламя — второго памятника черным драконам я создавать не намерен. Пошел прочь, таракан, — махнул рукой Риверс.

— О, как вы добры, десница. — Батервелл вышел вон, раздавленный горем — даже Дунка, кажется, не узнал.

— Вы тоже ступайте, лорд Фрей, — приказал Риверс. — Договорим после.

— Хорошо, милорд. — Фрей с сыном удалились, и десница наконец повернулся к Дунку лицом.

В тот единственный раз, когда Дунк видел его, он был моложе, но родимое пятно, похожее, по мнению многих, на ворона, все так же алело на бледной как кость щеке. Сапоги черные, туника красная, сверху плащ цвета дыма, застегнутый пряжкой в виде железной руки. Белые до плеч волосы скрывали недостающий глаз, выбитый Жгучим Клинком на Краснотравном поле; уцелевший, красный, пронизывал человека насквозь. *«Сколько глаз у лорда Кроворона? Тысяча и еще один».*

— Не сомневаюсь, что у принца Мейкара были свои резоны отпустить сына в оруженосцы к межевому рыцарю — но то, что он хотел бы видеть его в гуще изменников, злоумышляющих против трона, весьма сомнительно. Как мой кузен оказался в этом гадючьем гнезде, сир? Лорд Подойник уверял меня, что никто иной, как принц Мейкар прислал вас сюда под видом таинственного рыцаря, чтобы разоблачить заговорщиков. Это так?

— Нет, милор, — Дунк преклонил колено, — то есть да. Так ему Эг сказал, то есть принц Эйгон, но на самом деле это неправда.

— Понятно. Вы двое узнали о заговоре и решили предотвратить его своими силами, так?

— Опять-таки не совсем. Мы просто... вляпались в это дело, если можно так выразиться, милор.

— И немало успели сделать, прежде чем вы подошли сюда с войском, — заявил, скрестив руки, Эг.

— Мы не одни были, милор, нам помогли, — поспешно добавил Дунк.

— Межевые рыцари.

— Да, милор. Сир Кайл, Кот из Туманных Болот, сир Мейнард Пламм, сир Глендон Болл. Это он выбил из седла Скрип... самозванца.

— Я уже слышал эту историю из полусотни уст. Липовый Рыцарь, отродье изменника и шлюхи.

— Сын героя, — возразил Эг. — Если он среди пленных, я хочу, чтобы его немедленно освободили. И наградили.

— Кто ты такой, чтобы деснице приказывать?

— Вы знаете кто, кузен, — ничуть не тушуясь, ответил Эг.

— Оруженосец у вас чересчур наглый, сир, — обратился к Дунку лорд Риверс. — Надо бы из него это выбить.

— Я стараюсь, милор... но он все же принц.

— Дракон, вот он кто. Встаньте, сир.

Дунк встал.

— Вещие сны снились Таргариенам задолго до Завоевания — неудивительно, что этот дар время от времени проявляется и у Блэкфайров. Деймону приснилось, что в Белостенье родится дракон, вот он и родился. Дуралей просто перепутал цвета.

Дунк взглянул на Эга. *«Перстень, — заметил он. — Он больше не прячет отцовский перстень в сапоге, а открыто носит на пальце».*

— Мне очень хочется увезти тебя в Королевскую Гавань и держать при дворе в качестве моего... гостя, — обратился лорд Риверс к Эгу.

— Отец будет недоволен, — ответил тот.

— Да, пожалуй. Очень уж он... обидчив. Может, в Летний замок тебя отослать?

— Я оруженосец сира Дункана и должен быть рядом с ним.

— Ну что ж, да хранят вас обоих Семеро. Вы свободны.

— Сейчас пойдём, только прежде дайте нам золота, — велел Эг. — Сир Дункан должен заплатить выкуп Улитке.

— Что случилось с робким мальчуганом, которого я встречал в Королевской Гавани? — засмеялся десница. — Извольте, мой принц. Казначей отсчитает вам сколько скажете... в разумных пределах.

— Только займы, — вставил Дунк, — я все верну.

— Хорошо. Вернете, когда научитесь управляться с копьем. — Кроворон махнул рукой, развернул пергамент и стал делать в нем какие-то пометки пером.

«Решает, кому жить, а кому умереть», — понял Дунк.

— Милор, а Скрипачу... Деймону... тоже отрубят голову?

— Это уже королю Эйрису решать, — поднял взгляд Кроворон, — но у Деймона остались четверо младших братьев, и сестры тоже имеются. Если мне придет блажь снять с плеч его красивую голову, мать Деймона будет скорбеть, его друзья вновь скажут, что я проливаю родную кровь, а Жгучий Клинок коронует следующего по старшинству, Хейгона. Мертвый Деймон — герой, живой — препятствие на пути моего единокровного братца. Затруднительно как-то объявлять королем третьего из династии Черного Пламени, когда второй, увы, покуда жив. К тому же столь благородный пленник украсит наш двор и лишний раз убедит всех в великодушии его милости короля Эйриса.

— У меня тоже есть вопрос, — сказал Эг.

— Я начинаю понимать, почему твой отец так хотел от тебя избавиться. Что за вопрос, кузен?

— Кто взял драконье яйцо? У дверей стояли часовые, на лестнице тоже — кто мог пробраться незамеченным в спальню лорда?

— Я бы предположил, что кто-то влез по сточной трубе в его
нужник, — улыбнулся лорд Риверс.

— Труба слишком узкая.

— Да, для мужчины... но что, если это сделал ребенок?

— Или карлик, — выпалил Дунк. *«Тысяча глаз и еще один... почему бы одной паре глаз из тысячи не принадлежать карлику-скомороху?»*